www.kitabxana.net

Milli Virtual Kitabxananın təqdimatında

"Azərbaycan e-kitabı: rus dilində" 12 (78 – 2013)

МАХИРА АБДУЛЛА

АРМЯНСКАЯ ТЕНЬ

(Повесть и рассказы)

Mahirə Abdulla. “Erməni kölgəsi”. (Povest və hekayələr)

Перевод **Ниджата Мамедова**

Представленная широкому кругу читателей книга состоит из Повесть и рассказы.

Kitab YYSQ tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb.

YYSQ - Milli Virtual Kitabxananın e-nəşri N 12 (78 - 2013)

2013

www.kitabxana.net

Milli Virtual Kitabxananın təqdimatında

"Azərbaycan e-kitabı: rus dilində" 12 (78 – 2013)

Bu elektron nəşr Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Gənclər Fondunun 2013-cü ildə maliyyə yardımı Müsabiqəsinin qalibi olmuş və bir hissəsi maliyyələşdirilən, Yeni Yazarlar və Sənətçilər Qurumunun http://www.kitabxana.net - Milli Virtual Kitabxananın həyata keçirtdiyi "Rusdilli gənclər üçün Azərbaycan e-kitablarının hazırlanması, təqdimatı" - Kulturoloji-şəbəkə layihə çərçivəsində hazırlanıb və yayılır.

Elektron Kitab N 12 (78 – 2013)

Kulturoloji layihənin bu hissəsini maliyyələşdirən qurum:

Azərbaycan Respublikası Prezidenti yanında Azərbaycan Gənclər Fondu:
http://youthfoundation.az

МАХИРА АБДУЛЛА

АРМЯНСКАЯ ТЕНЬ

(Повесть и рассказы)

Mahirə Abdulla. “Erməni kölgəsi”. (Povest və hekayələr)

Перевод **Ниджата Мамедова**

Представленная широкому кругу читателей книга состоит из Повесть и рассказы.

Kitab YYSQ tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb.

YYSQ - Milli Virtual Kitabxananın e-nəşri N 12 (78 - 2013)

Virtual redaktoru və e-nəşrə hazırlayanı: Aydın Xan (Əbilov), yazar-kulturoloq

Layihə çərçivəsində rəqəmsal nəşrə hazırlanan və yayılan digər e-kitablarla burada tanış olun:

http://www.kitabxana.net/?oper=e_kitabxana&cat=142

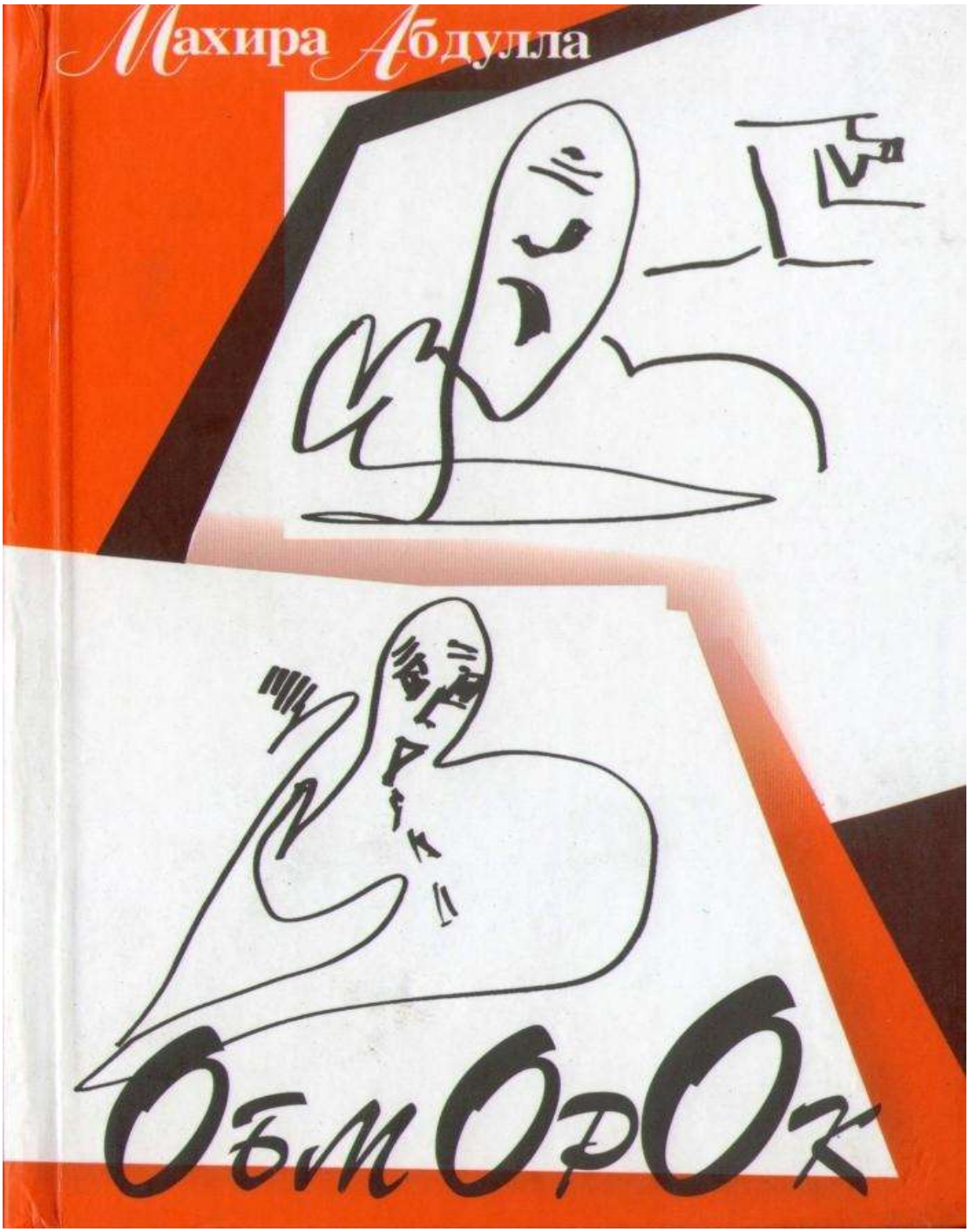
МАХИРА АБДУЛЛА

АРМЯНСКАЯ ТЕНЬ

(Повесть и рассказы)

БАКУ - 2013

© YYSQ


Махира Абдулла
ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБОРОК

АРМЯНСКАЯ ТЕНЬ

(Повесть)

В полночь у Салима разболелся живот. Днем, на дне рождения коллеги, он, как его дед Наджаф, смешал все блюда. Никто его не заставлял пробовать всё, что выложено на столе, смешивать пиво с шампанским, водку с ликером в красивой бутылке, которого он ни разу в жизни не пробовал. От этого напитка его замутило – но как ему было признаться, что до сих пор он никогда ликера не видел? Загадочный взгляд Вяфы, чей отец работал ректором, прошелся по нему мурашками, пробежался по шее.

– Эй, Салим, где это ты научился залпом выпивать этот женский напиток?

– Мы должны любить и женщин, и их напитки, – хотя он и произнес эти слова, но всё же упрекнул себя: «Ты внук обжоры Наджафа. И даже похуже его».

Но глаза его не насытились. Эх, если бы можно было запастись на пару дней. Салим вспомнил, что дома нет ничего кроме шора[1] с резким запахом, привезенного из деревни, и его снова начало мутить. Глянь-ка, как Надир пожирает черную икру. Он хотел сказать: «Дай-ка и мне икры», но просить икру с другой стороны стола было настоящей жадностью. Он сглотнул, слова Вяфы пробудили его от грез:

– Салим, тогда составь мне компанию. Ты когда-нибудь смешивал водку с ликером? Получается настоящий коктейль.

Как назло, перед ним стоял самый большой стакан, и напиток вишневого цвета, до краев заполнявший его, вливался в желудок Салима с резкой болью. Пробормотав: «Рядом с прекрасным полом курить нельзя», он потянулся с места. Вяфа протянула ему длинную сигарету. Затем он понял, что это женские сигареты. Балкон выходил на двор позади здания.

[1] кисломолочный продукт вроде творога

Внизу, у стены, какой-то пьяный справлял нужду. Салим заслонил окно спиной, чтобы Вяфа не видела эту картину. Он испытывал головокружение. Головокружение и неприятное чувство в животе.

– Салим, почему при встрече со мной ты опускаешь глаза и проходишь мимо? А сам всё время говоришь, что главное – содержание, что нужно уметь видеть содержание за формой, разглагольствуешь о смысле, о сути. А меня не видишь, мои горести, ах, бессердечный…

Ах, бессердечный, ах, бессердечный… Ах, бессердечный, ах, горе ты мое. Эти слова произносила его мать, лаская светловолосого, миловидного мальчика. Интересно, в чем было горе этой девушки, которая всегда хорошо одевалась, чье лицо никогда не покидала улыбка? Она побывала замужем в Турции и вернулась, прожив там три месяца. Говорила, что там человека морят голодом, а лучшее занятие у турков – пить кофе. И курить она научилась в Турции. Так говорила она сама, но рассказывали, что бизнесмен, за которого она вышла замуж, был женат, имел ребенка. Эх, сейчас все мечты наших девушек связаны с заграницей, с иностранцами. Может, они и правы. Вот он, научный сотрудник, не разбирается в напитках, не может даже новый холодильник купить для своей однокомнатной квартиры, чтобы продукты, которые ему изредка привозят из деревни, не портились. Но этих гостинцев в последнее время стало меньше. Наверное, родители считали, что если он работает и зарабатывает, значит, должен обеспечивать себя.

Это еще что? Если один остается голодным, то и другой должен голодать. Если дома много детей, то не повезло тому, кто чуть-чуть вырвался вперед – его потянут обратно, сделают таким же, как остальные. Что за уродливое равенство! Если бы не это, он давно бы придумал что-нибудь для себя. Родителям нипочем, они после десятого класса дают пинка под зад своим детям, не ведая о последствиях. А теперь вот справляйся с ними.

Салим провел рукой по волосам, поредевшим спереди. Вот, он и не заметил, как пролетели годы. Молодость прошла, он не смог создать семью. Ибо ни одна девушка не смогла бы ждать, пока он пристроит троих сестер, троих братьев. Но все устроились, кроме Салима. Младший брат даже до оскорблений доходил, говоря ему: «Ты изначально сирота». Младшая сестра и

сейчас обижалась на него, ожидая, чтобы он и дочери ее помог. Самая младшая сестра хотела на свадьбу в подарок от брата телевизор – японский телевизор. А у Салима самого даже маленького радио нет. Он стеснялся и никогда никого не приглашал домой. Поэтому отвергал и приглашения других. Его уже позабыли, никому и в голову не приходит делиться с ним мыслями. За спиной над ним подтрунивали: «Настоящий скупец».

Сладкий, ароматный дым сигареты вернул Салима к реальности. Он посмотрел на белые тонкие пальцы, протягивающие сигарету. Указательный палец был слегка искривлен. Однако эта кривизна была настолько притягательной, что ему захотелось наклониться и укусить его. Что за безумная мечта, о Боже!

– Думаешь, я и женскую сигарету не смогу различить?

Глаза Вяфы затянулись поволокой. Однако при этом еще более увеличилось сияние ее зрачков. Признак хитрости. Если глаза женщины затягиваются поволокой, значит, она задумалась о чем-то нехорошем.

– Я всегда говорила, Салим – это тихий омут. Просто не такой как мы. Физики вообще несколько не от мира сего. А еще никто не может отрицать твой талант.

Наверное, икры у Вяфы тоже тонкие, прозрачные, как ее пальцы. А пятки белые, нежные. Салим всегда ненавидел женщин с потрескавшимися, загрубелыми пятками. Он думал: «Как это парни зарятся на девушек похожих на своих сестер? Даже самые лучшие кремы в мире не смягчат грубую кожу ног и рук этих девушек. Их не то чтобы погладить, но даже ущипнуть нельзя».

Действительно, против крови не попрешь. Ему вспомнился дядя чабан Гара. Однажды ашуг пел, описывая красавицу с тонким станом, тонкими губами, тонкой шеей. Вдруг чабан Гара бросил: «Ашуг, ну скажи сразу, что она чахоточная». Впоследствии эта реплика стала притчей во языцех. Руки Вяфы были созданы для поцелуев, а не для того, чтобы доить коров. Они не смогли бы выжать ни капли молока из овечьих или козьих сосков.

Кажется, ему хочется женщины. После своей хозяйки, армянки Сирануш, он не знал женщин. С и р а н у ш … Никому и в голову не пришло бы, что этот изящный, светловолосый, выглядящий намного моложе своих лет парень тает по ночам в объятиях ненасытной Сирануш. Ласки, которых он не видел от матери, сестер, создали в нем потребность в женской заботе. Может, и институт он закончил с отличием именно благодаря Сирануш. Ведь уходя с занятий, он спешил домой. Там его ждали вкусные блюда и странные фантазии Сирануш.

Вяфа прислонилась к оконному косяку, и ее платье чуть соскользнуло вниз, оставив открытым плечо, похожее на детское, и часть белоснежной груди. Он наклонился и прикоснулся к плечу девушки ногтем указательного пальца. От этого странного движения по телу Вяфы побежали мурашки. Она вздрогнула. «Хотел посмотреть, кукла ты или человек».

Затем произошло нечто еще более неожиданное. Салим, обвив одной рукой спину девушки, уткнулся лицом ей в шею. Вяфа так растерялась, что ударилась головой о плечо Салима, они столкнулись лбами, и боль разомкнула их объятия.

В сущности, он прошел школу Сирануш. Разложив на столе вкусные блюда, она усаживалась перед парнем, уставившись на него черными влажными глазами. Эти глаза были так влажны, что казалось, она только что плакала. Порой Салиму чудилось, будто он и сам вкусная еда, и Сирануш потому смотрит на него с такой жадностью. Женщина прикасалась ногтем мизинца к его руке, легонько щекотала. Всё это время она не сводила с него глаз, еще чуть-чуть пододвигала стул, и еда оказывалась недоеденной. Он вдруг он обнаруживал себя сидящим на коленях женщины. Он клал голову меж грудей Сирануш, давая ей раздеть себя. Девяностокилограммовая женщина превращалась в перышко…

– Эй, ребята, где вы там?

Это был голос Надира, нигде от него не спрятаться. Хотя он был его другом, никто не знал, как Салим ненавидит его. Надир любил вмешиваться в жизнь людей, спокойно ему не сиделось. Порой Салиму казалось, что Надир устраивает в нем подкоп. Он чуть ли не в баню с ним готов был зайти, чуть ли не в туалет вместе сходить. Салим считал, что друзья не должны стеснять друг друга. Он никоим образом не любил моральное давление.

А теперь он придет сюда. И правда, через пять минут Надир стоял рядом. Увидев, что оба смотрят из окна, он тоже выглянул в окно, но не успокоился, открыл ставень и высунулся, чтобы получше видеть.

– На что это вы здесь смотрите? А, понял, романтика, дождь, капли на ветках, как жемчужины… – сказал он, встав в позу поэта.

У обоих не осталось другого выхода, кроме как вернуться в комнату. Здесь каждый был занят сидящим рядом. Смешанные напитки пригвоздили людей к столу. Никто не хотел подавать виду, что пьян, каждый старался вести себя солидно. Свежесть, ворвавшаяся из открытого окна, кажется, немного протрезвила Надира. «Послушай-ка, она жирный кусок, не упускай, сделай свое дело, чего стыдиться. Два дня всего живем, устроишься хорошо».

Да, повалить бы здесь Надира на пол и надавать хороших пинков. Такое желание появилось в нем за последние два года. Оно пробуждалось в нем, когда в метро, в автобусе кто-нибудь теснил его, прижимал, давил. По его телу пробегал дикий озноб, если невзначай чья-нибудь рука или дыхание касались его; как бездомный пес, он хотел приютиться, спрятаться где-то, лишь бы там не было людей, живых существ.

Это враждебное чувство по отношению к людям усиливалось с каждым годом, превращалось в тяжелую болезнь, обращалось и против родных. Чувство кровной близости, родства умерло в нем, осталось лишь чувство долга, перераставшее в ненависть в тени его мечтаний, год от года всё не претворявшихся в жизнь. Он считал всех виновными в своей блеклой, тусклой жизни, доходил до безумия, готов был закричать: «Оставьте меня в покое, ничего, ничего от вас не хочу…»

Салим был уверен, что никто не знает о его с Сирануш похождениях. Ибо на одном этаже были две квартиры, друг напротив друга, однокомнатная и двухкомнатная. Обе принадлежали Сирануш. В однокомнатной жил Салим, Сирануш как бы сдавала ее ему. В эту квартиру она заходила редко. Когда приезжали родственники Салима, она им на глаза не показывалась. А все думали, что Салим сидит в библиотеках, пишет свою научную работу. У Сирануш была

хорошая библиотека. Романтические любовные романы, медицинские словари о сексуальной жизни. Русский язык он выучил, читая эти книги.

Поначалу он стеснялся Сирануш, но впоследствии начал повторять книжные сцены в реальности, совершенствовался. Инициатива перешла в его руки. Теперь он придавал Сирануш, как глине, любую форму, которую ни пожелал бы, осуществлял желаемое. Если бы даже их увидели вместе, то все равно ничего бы не заподозрили. Ибо женщина, согнув спину, брала в руки трость, ходила пыхтя и медленными шажками. Но едва она входила в квартиру, это пыхтение превращалось в стоны безумной страсти. В то время он весил всего 46 килограмм, женщина, можно сказать, брала его в объятия и валила с ног там, где хотела. Это могло быть и под столом, и на полу, и в ванной. Фантазии обоих не знали границ. Матери, говорящей: «Сынок, женись», он отвечал: «А куда привести невесту, в дом армянки, где я снимаю квартиру? Вот такая, значит, у нас мужская честь? Иди, жени других сыновей, выдай дочерей замуж, а я вне игры, не женюсь».

В последние годы мать начала бурчать: «Не знаю, что эта армянка сделала с тобой, что ты не женишься».

– Как это – сделала? Чего это может хотеть от меня женщина в возрасте моей бабушки, чтобы прибегать к порче?

– Не говори так, сынок, они знают и то, что под землей, и то, что над ней. Она способна что-нибудь сделать из зависти. Сама она ведь не замужем, бездетная, может невзлюбить тебя.

И правда, его мать была младше Сирануш ровно на десять лет. Было правдой и то, что Сирануш его мать не нравилась. Она говорила: «Твоя мать любит мужа, тает перед ним как воск». Но это Салим видел лишь в уважении своей матери, превратившемся в покорность. Он всегда думал, чувствовал ли он супружеские отношения между родителями, но ему ничего не приходило в голову, кроме их заботы о доме, пропитании, детях.

Сирануш была замужем едва ли не трижды. Как она рассказывала, первый муж целый день ел и спал, и под конец его вялость, апатия утомили женщину. Со вторым они прожили неделю –

он сказал ей: «Ты гулящая, откуда ты столько всего знаешь и умеешь? Женщина не должна показывать свою ласку, свое желание». Третий был соседом, с которым она сожительствовала. Двое взрослых сыновей этого мужчины избили Сирануш так, что та провалялась в постели три месяца, а своего отца поволокли домой. На том и закончилась семейная жизнь Сирануш.

***

Салиму нравилась девушка, снимавшая квартиру на первом этаже, худенькая и нежная как куколка. Ее маленькие, как у ребенка, руки были иногда вымараны краской. Сердце любого, кто смотрел на тонкие голубые вены ее худой шеи, наполнялось милосердием. В голубых венах ясно чувствовалось биение пульса. Невозможно даже представить, как эти руки могут готовить или стирать. У Салима в деревне таких называют заморышами. Обычно такими хилыми бывают птенцы, оставшиеся в гнезде последними. Раскрыть бы пиджак, завернуть в него и понести домой. Пусть она совьет гнездо в твоей груди. Всю жизнь носить бы ее на руках. Сколько ни ухаживай за ней, не устанешь.

Разве могло прийти ему в голову, сколько гнева и ярости таится в этом слабом теле? Вот уж когда говорят: не на рост, а на язык посмотри. Однажды вечером они повстречались возле крепостных ворот. В руках у девушки была большая хозяйственная сумка. Хотя он подошел к ней и захотел взять у нее сумку, девушка не позволила, лишь пробормотала «спасибо». «Приятно помогать прекрасным девушкам», – сказал он и, можно сказать, насильно вырвал сумку из ее рук.

– Простите, вы из какого района? – и он тут же упрекнул себя. Еще один своеобразный его «бзик». Он невольно задавал этот вопрос всем, что раздражало его самого. Но в него будто дьявол вселился, что-то оставалось незавершенным, что-то теряло свой вкус и цвет, если он не спрашивал этого. Отними у него этот вопрос, и он словно лишился бы средства общения с

людьми. Это комплекс неполноценности целого народа. Это первый вопрос, который любой в Азербайджане задавал незнакомому человеку.

– То есть как – из какого? Я азербайджанка.

Салиму показалось, что крепостные стены надвинулись на него, стиснули, а девушка осталась по ту сторону стен.

– Гнев не к лицу таким красивым, нежным девушкам как вы.

– А что поделать? Мы в городе без родителей, сами должны за себя постоять.

– Почему же, разве такие сыны народа, как я, умерли, чтобы вы испытывали страх?

– Что? Ты? Да ты с утра до вечера не вылезаешь из-под армянской юбки. Думаешь, я ничего не понимаю? Чесночный запах останется при тебе, даже если ты искупаешься с тонной мыла.

– Не говори всё, что вздумается, не связывай меня с женщиной, которая мне в матери годится. Она ухаживает за мной как за собственным сыном. А я отношусь к ней от чистого сердца.

– Ты сказал, а мы поверили. Ты должен знать, что мы – азербайджанские девушки – не считаем мужчинами тех, чьи матери – армянки. Не то что замуж за них не выходим, даже краем глаза на них не смотрим. Наверное, есть люди, у кого много родственников, и тебе найдут невесту. Всё равно наши мужчины оставляют наших же непорочных, благочестивых девушек и женятся на армянках. Какого мужчину в должности ни возьмешь, каким привлекательным мужчиной ни заинтересуешься, видишь – жена его другой национальности. К нам тысячи требований предъявляют, служения требуют, а их берут с улицы и на руках носят, хвостом перед ними виляют. Отдай сумку. Сумку отдай!

Они уже подошли к дому. Когда на террасе девушка вырвала сумку у него из рук, на дорогу посыпались мелкие лук и картошка. Салим нагнулся, чтобы собрать их, и краем глаза

заметил Сирануш на балконе, смотревшую вниз. Девушка заметила, что за ними наблюдают, и заскочила в дом, хлопнув дверью.

У входа перед Салимом возникла Сирануш.

– Вы поглядите только на чертовку, а в прошлый раз она таких слов сыну Забитэ наговорила, что парень застыл посреди улицы как вкопанный. Ни капли воспитания. Она думает, что я не понимаю ничего. А когда ты спускаешься вниз, она следит за тобой из окна, с ума по тебе сходит.

Но Салим чувствовал, что Сирануш говорит всё это не просто так, а чтобы разузнать побольше.

– Да, умирает, как же, она же бочка пороховая! В руке у нее была тяжелая сумка, я хотел помочь, а она меня в пух и прах разнесла.

– Она студентка института, не поступила бы так ни с того ни с сего. Наверное, ты ей в любви признался.

– Ну, допустим, признался. Чем я хуже других, чтобы получать такие ответы? Разве нельзя ответить по-человечески?

Сирануш замолчала, смолк и Салим. Вылетевшее слово стрелой вонзилось в сердце женщины. Казалось, вот-вот покажется боль. Однако женщина вышла из комнаты, не говоря ни слова. Через полчаса парень, сидя в ее квартире, ел долму с разными соленьями, мацони и чесноком, распивал с Сирануш коньяк «Гёй-гёль». Он ел в спешке, задыхаясь, потому как знал, что снова не сможет доесть. А потом аппетита не будет. Он просто повалится устало на кровать, проснется утром и вяло поплетется на занятия, и слова преподавателя будут доноситься до него словно издалека.

Но на этот раз он разозлился, будто внезапно голова затуманилась. Безадресный гнев так поднял его с места, что Сирануш чуть не упала. Он повалил ее на пол. «Я бьюсь головой о стол,

подожди, сумасшедший». Ее слова – «сумасшедший, сумасшедший» – клевали его в голову как птицы.

Салим никогда не целовал ее, ибо от Сирануш всегда воняло чесноком. Но на этот раз чесночный запах опьянил его, как лучшие французские духи. Он не мог вобрать в свой маленький рот ее крупные губы и просто их покусывал. Затем перешел на шею, грудь и ноги. Он будто хотел ей отомстить. Женщина задыхалась, вскрикивала. Хорошо, что по соседству никто не жил – невозможно было не услышать этих криков. Когда Салим сам головой ударился о ножку стола, он словно пробудился, тело ослабло. Внезапно он встал, оставив растерянную женщину на полу, и ушел, хлопнув дверью…

Вечером, взглянув в дверной глазок, Салим увидел, что женщина спускается вниз с едой. «Интересно, что это с ней, кому она несет еду».

Когда через два часа открылась дверь, Сирануш поставила на стол две миски.

– Я приготовила пельмени.

Он только теперь понял, что сильно проголодался. Взяв ложку в руки, он вдруг вспомнил:

– А кому это ты носила еду?

– Назиля заболела, вот я и не хотела спускаться к ней с пустыми руками. Да и девочки поели, понравилось им. А твоя вертихвостка даже не притронулась, говорит, ненавидит пельмени.

С того самого дня Сирануш стала часто наведываться к Назиле. Через месяц Салим девушек уже не видел. Назиля перестала сдавать им квартиру. Причина никому ясна не была. Весь двор знал, что Сирануш колдунья. Может, она что-то подмешала в еду, или... в любом случае, зачинщицей была она. Но Салим совершенно не верил в такие вещи. Лишь впоследствии он понял, что некоторые вещи находятся вне человеческого разумения, воспринимаешь ты их или нет, они существуют, и книги об этом написаны. Просто об этом говорят не как о колдовстве, а как об отрицательной энергии, отрицательной программе. Хотя

однажды он и услышал, как Сирануш говорит о разгневавшем ее человеке: «Иссушу его, в труп превращу», но не обратил на это внимание. Только когда через три года, повстречав двоюродную сестру той самой девушки, Салим услышал, что та умерла через три месяца после переезда из Ичери Шехера, он был потрясен. Девушка начала внезапно сохнуть, врачи не могли найти причину. И однажды утром она просто не проснулась, заснула вечным сном. Салим начал бояться Сирануш. Женщина почувствовала это, ибо Салим частенько притворялся больным или уходил из дому под предлогом посещения библиотеки. Он даже как-то спросил одного товарища насчет колдовства. Выходцы из Ленкорани и ее окрестностей верят в такие вещи. Товарищ сказал: «Вот, посмотри, что создал человек – телефон, телевизор и так далее. Всё это управляется невидимыми волнами, энергией. Так если человек может управлять космическим кораблем, разве он не сможет оказывать воздействие мозговыми волнами, энергией на своих сородичей?». И впрямь, разумное обоснование.

Было начало 1990-го года. Армянский вопрос только разгорался. Сирануш очень беспокоилась, места себе не находила, потихоньку стала распродавать домашнюю утварь. На вопрос, почему она делает это, отвечала, что еле сводит концы с концами. Однажды утром Сирануш спросила Салима, есть ли у него знакомые в сберкассе, сказала, что у нее есть немного денег, которые она хочет снять. Салим ответил, что у него там родственник работает. Он был очень удивлен, ведь Сирануш знай только копила, две слабости было у нее – копить деньги и заботиться о себе. Со времени их знакомства и до сих пор он не видел, чтобы та хоть копейку сняла. Она получала пенсию, подметала два магазина и получала зарплату, а то, что она выбивала из директоров магазинов своими стенаниями, не в счет, да еще квартплата, которую давал Салим. Как казалось парню, платя эти деньги, он доказывает свою мужскую честь. Сирануш даже не напоминала ему об этих деньгах, но всё же брала. И самые лакомые кусочки из присылаемых из дому продуктов он отдавал ей в подарок. А в то время гостинцы приходили через каждую пару дней.

Наверное, у Сирануш было много денег, очень много. Но зачем ей столько?

Она, будто чуя эти вопросы, сказала: «Говорят, наши деньги потеряют в цене, я их обменяю на доллары». Этот довод не совсем устроил Салима. Но он постеснялся заявить:

«Откуда женщине в твоем возрасте знать, что такое доллары?». Ибо он себя считал всезнайкой, стеснялся признаться, что даже не знает, как выглядят доллары.

Родственник, с которым Салим через пару дней повстречался на улице, заметил ему: «Знаешь, удивительно, все армяне снимают деньги с кассы, ни копейки не оставляют. Тут что-то не так, наверное, они сбегают».

Через месяц начались события в Степанакерте…

Надир говорил без устали. Никто его не слушал. Хотя иногда он подталкивал кого-нибудь локтем, пытаясь привлечь к себе внимание, это ему удавалось лишь на секунду. Ибо каждый находился в своем мире. Салима тошнило, ему казалось, что его мутит от этих людей, что если его вырвет, то он вытошнит не смешанные блюда, а э т и х л ю д е й . От этой мысли он пришел в еще большую вялость, ситуация была ужасная. Он не знал, что делать, хотел найти место, чтобы положить, сунуть туда голову и тело, может, тогда боль его ослабла бы.

Вранье, его сердце давно умерло. Погибло, подмятое под тяжелое тело Сирануш, а на его месте осталась ужасная пропасть, чесночная вонь. Часто его сердце словно куда-то падало, и внутри открывалась пустота. В это время он чувствовал, как пустеет, съеживается как шар, и боль, начавшаяся в затылке, толкая что-то в позвоночнике, пригвождала его ноги к земле. Дышать становилось трудно, голос хрипел. Сколько он ни ходил к врачам, те заявляли, что он вполне здоров. Однако Салим знал свою болезнь – его душа умерла. Душа дает человеку жизнь и свежесть. Человек без души полуживой, увечный.

А Вяфа, считающая себя знатоком в делах сердечных, думала о полупьяном Салиме. «Посмотрите-ка на тихоню, чего только в нем не скрывается. Наверное, он водится с женщинами постарше себя. Такие повадки не приобретаются с помощью книг, они должны быть врожденными или нужно пройти школу с хорошей учительницей».

Вот тебе и раз, теперь и равнодушие Салима казалось ей таинственным, привлекательным, распаляло ее влечение. Поцеловаться бы с ним здесь, у всех на глазах. Пусть увидят некоторые мужчины, пытающиеся каждый день обнять ее, как нужно подходить к женщине. Они только

называются современными, а едва оставшись с женщиной наедине, ни на шаг не отступают от того, что знают, слышали, к чему привыкли. Может, поэтому Вяфа хотела часто менять партнеров. Она не могла полюбить до конца ни одного мужчину, после одного раза сильный мужчина становился для нее жалким. Несмотря на всё это, никто не мог сказать, что она зарится на деньги мужчин. Она не нуждалась в деньгах, а просто не могла найти любимого мужчину, такого, который безумно полюбил бы ее, подчинил бы себе, не дал бы продохнуть от любви, так утомил, чтобы в ней возникла прекрасная уверенность, чтобы в этой уверенности она никого не видела вокруг, кроме себя и любимого. К чему женщине много знаний, образование? Сидящие здесь мужчины, возможно, и не так начитаны, как она, но мужчины ненавидят умных женщин. Ибо чем больше женщина узнает, тем требовательнее она становится по отношению к окружению, выходит из повиновения. А повиноваться до конца могут лишь слабые, слепые люди.

Что теперь ей делать? Понарошку показывать себя слабой, покоряться, чтобы нравиться мужчинам, быть «счастливой»? Чтобы быть счастливой, надо лгать? И я, по сути, рождена рабой, посмотрите, чего я хочу – мужчину сильнее себя! если он подчинит меня любовью, нежностью, я смогу почувствовать себя счастливой. Но в Салиме я не вижу такой воли, такой силы, прикосновение его рук – это приятное тепло. Она чувствовала это по воспоминанию – по невысказанному желанию одного старшекурсника, когда ей было 18 лет и она училась на втором курсе института.

Дааа, ведь тот парень был точь-в-точь Салим. Он тоже вел себя старше своих лет, ко всем относился надменно, потом стал министром. На пятом курсе влюбился в одну хилую девчонку, на ней и женился. Эта девушка боролась с трудностями как с огнем, да и она как Салим была словно беспола. Ее большие черные глаза смотрели поверх людских голов с иронией и насмешкой, будто это были не глаза, а некий оптический прибор; зрачки были такими большими, что эти глаза казались дверью, за которой открывается иной мир. Она не делала различий между парнями и девушками, со всеми обращалась одинаково.

Как только парень женился, Вяфа, глядя на него, уже не испытывала прежнего, нежного, ароматного, опьяняющего чувства. Место, к которому прикоснулся Салим, словно становилось

всё более липким, и ей казалось, эта клейкость превращается в широкий ошейник, сжимающий ее горло. Ей стало трудно дышать. «Я перебрала… наверное, в этом и дело». Однако тело ее нагревалось, клейкость делалась все более вязкой. Ей хотелось разорвать на себе одежду, обнажиться, зайти в баню… «Что случилось?» Голоса, доносящиеся издали, тоже липли к мозгу.

– Вот чертовка, ей же становится худо, как выпьет. У нее ревмокардит, много пить нельзя.

– Не смотри так, это она внешне в порядке, а внутри бедняжка подгнила, трижды ее оперировали, ребенка у нее никогда не будет, пустая она внутри…

– Тссс, а вдруг умрет?

Это «тссс», превратившись в шипение, стало вертеться у нее в голове. Оказывается, это просто рядом с ней поставили вентилятор. Очнувшись, она уставилась на Салима:

– Ты меня не проводишь? Я тоже в Ичери Шехере живу, чуть ниже только.

Надир подался вперед:

– Вяфа ханум, вы не сможете идти, я отвезу вас на машине.

С мест послышались голоса:

– Да, да, верно говорит, в такое время в таком состоянии найти машину трудно.

И здесь Салим не смог показать себя должным образом. Верно, его раздражало, что Надир пытается всем услужить. Он это считал хитростью, некой политикой, то есть он вроде как делал одолжение всем, чтобы в какой-нибудь сложной ситуации его тоже не оставили одного, руководствуясь принципом «рука руку моет». Принцип «ты мне, я тебе», который ставит всех в зависимость друг от друга, укрощает любые языки.

Надо же, Надир будто мысли его читал.

– Салим, пойдем, тебе по пути.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Вяфа, пошатываясь как во сне, подошла к Салиму, ухватилась за его правое плечо обеими руками, будто висела на качелях.

– Идем, отвези меня ты. Неужели у тебя денег на такси не найдется?

Желтоватое лицо Салима так покраснело, что, брызни ему в лицо воды, наверное, повалил бы пар. У него были деньги, сегодня он получил зарплату, но отдавать ее на такси было жалко.

– Давай поедем на машине Надира, я не смогу один тебя отвести. (Скупец, скупец…)

Так сказала ему Сирануш. Стоял 1990-й год. Армяне уже действовали вовсю, однако в Баку им никто и слова не говорил. Правительство, партия берегли их как зеницу ока. Женщина предложила ему:

– Давай устроим фиктивный брак, не дай Бог что случится, жалко тебя, пусть тебе квартира достанется.

– Что? Да от меня отец отвернется, на людях не смогу показаться.

– Да плюнь ты на людей – с голоду будешь умирать, никто за тобой не присмотрит. Подумай о себе.

– Нет, я лучше на улице жить соглашусь, чем на это пойду.

– Все вы, мусульманские мужчины, такие! Столько уже лет из объятий моих не выходишь, а себя ангелом выставляешь. Скажи тогда отцу, чтобы он купил тебе однокомнатную квартиру за деньги.

– Да что ты говоришь такое? Отец умрет, но скот не продаст. Ты не смотри, что он раз в год режет барашка или что-нибудь еще. В деревне скот – один из атрибутов человеческой личности.

Хотя Сирануш не поняла последних слов, она и виду не подала. Всё было ясно, совесть ее была чиста. Она сказала: «Подарю однокомнатную тебе» и сдержала свое слово. Прошел год, Салим уже редко заходил к ней, да и Сирануш не кормила его. Они виделись лишь тогда, когда

Салим приносил квартплату, или случайно. Салим бежал от женщины, ставшей еще более уродливой и сгорбленной, так же как бежал от своей замаранной молодости. Внутри у него образовалось болото, которое покачивалось, бурлило, воняло. Его тошнило. Это были воспоминания, связанные с Сирануш. Сколько он ни пытался вычеркнуть, уничтожить их, они меняли форму, впитывались в него до мозга костей. Чтобы избавиться от них, нужно было другое чувство, чтобы подавить эту тошноту, не дать ей овладеть им. Именно это чувство, эта надежда влекли его к Вяфе…

Они сели на заднем сиденье. Едва он уселся поудобнее, прижав ногу к обнаженной икре девушки, носком своих туфель начал ковырять ее каблуки. Он привык за столом у Сирануш одной рукой есть, а другой ласкать округлые колени женщины, затем эти руки поднимались выше и выше. Но и при этом он не забывал есть, оба сидели, к чему-то прислушиваясь, словно ничего не происходит. «Вот поганая. Вот за такие желания мужья и не разводятся с ними».

Всё та же липкость, соединяя их ноги и бока, начала подниматься вверх. От этих движений пришел в волнение и Надир. Как-никак он был мужчиной, понимал всё это. Он давно крутился вокруг Вяфы, но посередке встрял этот жалкий Салим. «Ничего, пусть и этот несчастный погуляет, наверное, он болен, ведь он не камень, не стена... До сих пор мы не видели, чтобы он подошел к какой-нибудь женщине». К тому же поздно, жена может не пустить Надира домой, не открыть дверь, вот и всё. Он женился на безграмотной деревенской девушке, сочтя ее тихоней, но та в упрямстве обошла городских девушек, ничем им не уступала. Никакие доказательства, доводы на нее не действовали.

Он остановил машину прямо перед домом. «А откуда ты знаешь адрес Вяфы?».

– Да ты вроде ревнуешь?

«Убирайся, убирайся».

Едва они вышли, машина так рванула с места, что чуть не врезалась в стену. Оба дождались, пока автомобиль не исчезнет из виду.

Кто-то должен был отнести Вяфу домой, и это выпало на долю Салима. Однако оба стояли, словно пригвожденные к тротуару. Чьи-то шаги вдалеке свистели как хлыст, отбивали чеканку на булыжниках улицы. Город остался в стороне. Ичери Шехер был тайной веков в сердце Баку. Салим подумал, что несчастье его в том, что он стал жить в Ичери Шехере. Здесь и малые дети вели себя как аксакалы, ибо эти дома, эти стены, эти камни так грозны, что человеку тесно, и он не может жить так, как хочет. Выйдя из крепостных стен, попадаешь в беззаботный мир, поток, теряешь все приличия. Было тихо, они еще немного постояли посреди полутемной улицы.

Нет, у них не осталось сил на раздумья, на принятие какого-либо решения. Вяфа остановилась у каменных ступенек. «Возьми меня на руки».

Голова Салима работала как часовой механизм: «Смогу ли я ее поднять, не упаду ли сам?». Поставив одну ногу на верхнюю ступеньку, он сказал ей: «Присядь на нее, отдохни немного». Вяфа села на ногу Салима, уткнулась головой ему в грудь; горячий поцелуй прилип к ее позвоночнику, будто туда поставили клеймо. Шея девушки стала зудеть, тело отяжелело. Это почувствовал и Салим и принял за признак опьянения. Он понес девушку наверх. Запустив руку в ее сумочку, нашел ключи. Усадив Вяфу на колени, кое-как открыл дверь. За дверью напротив послышался неясный звук. Кто-то наблюдал за ними в глазок…

Хорошо, что был выходной. Городской человек любит по утрам поспать. Особенно не хочется вставать с постели, когда прохладно. Тело, уставшее от суеты в течение недели, словно начинает дышать. Неважно, бегаешь ты или целый день сидишь, но то ли от воздуха, то ли от еды, то ли от чего-то еще ты превращаешься в неподвижный кусок мяса, не чувствуешь ничего кроме поднимающейся и опускающейся груди. Вечером, по возвращении домой, сядешь и уже шевельнуться не можешь, думаешь, что если встанешь, то развалишься на части, а посередине ничего не останется, кроме провонявшего живота. Просишь Бога лишь о том, чтобы кто-то подал тебе стакан чая. Но кто же окажет тебе такую услугу?

Если ты не ходишь на работу рано утром, если ты мужчина, то придется сбегать на базар, в магазин, ибо когда жена зайдет на кухню, обязательно чего-то не хватит. В наших семьях никогда не получается точно высчитать потребность в продуктах. Кроме того, если у тебя

случатся гости из деревни, ждущие, чтобы рассесться, набить животы, то тебе конец. В конце недели у кого-нибудь займешь денег с условием вернуть из зарплаты в конце месяца. А эти долги, концы месяца никогда не закончатся.

Но сегодня всего этого не было. Поверхность моря устилал нежный туман. И тонкая морская грусть овевала лицо. Лучи солнца, бесцеремонно ворвавшись внутрь из окна, занавеска на котором была не полностью задернута, падали прямо на постель. Салим уже столько лет жил в Баку, однако не видел город таким с высоты, ему захотелось немного постоять и втянуть эту картину в свои изголодавшиеся глаза, в истосковавшееся по деревне сердце. Однако ему стало тоскливо – это солнце больше, краснее, чем солнце в деревне. Почему же до сих пор он не заметил этого? Утром, идя на работу, никому даже в голову не приходит поднять ее и посмотреть на небо. Представь, что люди снуют туда-сюда, а ты, остановившись как вкопанный, посреди улицы, смотришь на небо, раскрыв рот. Наверняка подумают, что ты сошел с ума. А может, над этим городом не бывает солнца, не переходит оно по ту сторону моря, крепостных стен? Ведь он уже столько лет жил в городе, но никогда не видел солнце таким.

Люди смотрят на солнце тогда, когда вдыхают полной грудью, когда их грудь, полная газа и дыма, встречается с красотой природы. У него сжалось сердце. Было очевидно, что разница между деревенским солнцем и городским такая же, как между деревенской девушкой и городской. Одна блистательна, красива, заметна, а для того чтобы показаться на людях со второй, надо с месяц потрудиться, чтобы очистить грязь у нее под ногтями, придать волосам форму, чтобы пятки, расплющенные от каждодневной беготни, огрубевшие ноги поместились в нежные туфельки. Как же жалко смотрелись кольца на пальцах их неухоженных, грубых рук, лак на ногтях. Да и надобности не было в этих кольцах, лаках, девушки и женщины украшались чуть-чуть лишь от свадьбы к свадьбе.

В детстве Салима девушки должны были делать пробор в волосах посередине. Он помнил, как мать скалкой избила младшую сестру, сделавшую косой пробор и начесавшую на лоб челку, избила и заставила заново расчесать волосы на прямой пробор, отпустить две косы. Даже одну косу нельзя было заплетать. Это тоже считалось неприличным.

Как ему взбрело в голову всё это? Где девушка и где солнце. Однако Салим не был виноват – если человек живет вдали от той среды, в которой родился, его вечным уделом будет сравнение. Сыр с резким запахом, который он ел в то время, был вкуснее городских – желтых голландских сыров. Мясо, молоко имели другой вкус. Приезжая из деревни в городе, человек будто замораживал себя, пара лучей солнца вряд ли растопили бы его лед, ибо это был другой мир, где не существовало ничего кроме скорби, не претворенных в жизнь желаний.

Тогда печаль и тоска охватывали твое сердце, тебе становилось жалко самого себя. Как бы богат ты ни был, как бы хорошо ни жил, такая тоска накатывала по детству. И эта тоска будет сопровождать тебя до последнего пристанища. Наверное, в ином мире не будет той суетной жизни, которой ты живешь в городе. Если есть душа, то человек живет теми детскими годами своей жизни.

Не верится, чтобы кто-нибудь в этой городской жизни сохранил свою непорочность, вышел бы чистым из Страшного суда. О местных ничего сказать не могу, у них свой мир, они часть города. А мы каждый день пятнаемся сотнями желанных и нежеланных грехов, сотни проделок вытворяем. Если видеть эти неправедности и молчать тоже считается грехом, тогда все мы прямиком отправимся в ад. И а д , не сумев вместить всех провинившихся созданий Божьих, лопнет, и грешники, как кишки из вражеского живота, вспоротого самурайским мечом, вырвавшись за адские пределы, обдадут зловонием рай, испортят воздух.

Странное дело – грех, на нем заквашены дед наш Адам, бабка наша Ева. Попытка Бога отделить зерна от плевел среди людей вновь окажется тщетной, ибо мир вертится не по прямой, а по кривой линии. Земной шар, Луна, Солнце, планеты… имеют форму шара. Вертятся друг вокруг друга. Если бы эти планеты были направлены по прямой, то галактика просочилась бы как сквозь дырявую посудину и исчезла бы.

Тогда откуда появилось это слово – п р а в о т а , разве и это не проделки дьявола? Сам Бог не употребляет слово «правота». Он говорит об истине, о терпении. Но истина никогда не сможет стать правотой. Ибо даже самый безграмотный человек не может не почувствовать, что

он вечно топчется на одном месте, что его мысли, дела всегда вертятся вокруг кого-то, вокруг какой-то цели, идеи, намерения.

Божий порядок, гармония нарушились бы, Он сказал бы: «Я не смог вразумить детей Адамовых, пусть идут и делают, как хотят».

Да человеку ведь того и надо – чтобы его отпустили, и он как безумная корова, откинув хвост на спину, бежал куда глаза глядят, пока не устанет, пока его не поймают, пока не отведает плетки, пока веревку не накинут ему на шею и не привяжут, а после поимки он на целый день будет помещен в хлев, не высохший после ночных «проделок», и оставлен без еды и питья. Тогда и у коровы, и у человека разум в голову вернется. Видели ли вы, чтобы человек в счастливый свой день взывал к Богу? Нет же, нет! Мы призываем его лишь тогда, когда нам худо.

И у Салима в голове прояснилось лишь после того, как он содеял грех. Он воспользовался опьянением чужой женщины. Может, это и не было грехом, ибо для мужчины, истосковавшегося по женщине, закрывавшего глаза, чтобы не видеть прелое тело Сирануш, молодое женское тело должно было быть манной небесной. Он годами ждал этого, миллионы раз в мечтах представлял эту сцену, имел много готовых вариантов, однако ни в одном из них не возникла потребность. Эти мечты, грезы утомили их тела, оба истратили на это энергию, которой хватило бы на несколько научных работ. Да и в вине вины не было. Люди пьют, чтобы страсть усилилась.

Но едва они зашли внутрь, пьяная девушка бросилась в ванную, а затем распласталась на кровати ничком. Салима нервировало то, что ему пришлось перевернуть ее и подложить подушку, ибо Вяфа так крепко держалась обеими руками за одеяло, что, имей он возможность, надавал бы шлепков по иссохшим ягодицам женщины, взял бы свой пиджак и ушел, хлопнув дверью.

Может, так и следовало сделать, Бог давал ему возможность уйти из нежеланного места. Он чувствовал, что может произойти нечто, способное изменить его жизнь, и это нечто не такая уж добрая, приятная вещь. Но человек не может убежать от своей участи, и в последний миг его

ноги словно налились тяжестью. Наверное, это не было мужеством – просто смелости не хватало, ведь и сам он всегда с алчностью смотрел на Вяфу.

На этот раз всё случилось по-другому, совершенно иначе. Ну и ну, Вяфа, она такова еще спьяну, а что она будет вытворять на трезвую голову? Бросается ничком на постель, глаза не раскрываются, но в остальном она будто запрограммированный робот. Может быть, и девушка, как и Салим, держала в центре мозга только это дело, и сейчас во все части ее тела передавались сигналы лишь из этого центра, управляли ими. Да, Салим был физиком, но не считал эту науку средоточием бытия, ибо мир существовал не по выдуманным человеком законам физики, а по Божьим законам. ***По сути, эти законы – средства вмешательства в мир, для того чтобы человек постиг свое значение, смысл.***

Не душа, не тело, а исходящий из мрака голос нашептывал обоим, что смысл мира – не что иное, как сплетение их тел, слияние в одно тело, не что иное, как тот миг, в котором они растворяются.

Есть силы притяжения, для людей н е с у щ е с т в у е т возникновения вдруг, н е с у щ е с т в у е т . Для того чтобы что-нибудь возникло, что-то должно соединиться. Большие моря возникают из маленьких рек, дожди, туман, птицы, животные… всё соединяется. Но у них всё получается просто и естественно.

В каждой закономерности есть грубость, как сама истина. Они не выходят как люди из рамок, не удивляют никого. По правде говоря, этот закон «нарушает» человек и сам же удивляется. Он вмешивается в личные дела всех, но никто в природе не вмешивается ни во что в той степени, в какой он – в Божье дело. Там, где есть гармония, нет надобности в контроле, и царствует надежный порядок. Там же нет и лживого стыда. Стыд означает вообще несовершение какого-либо действия. Если ты что-то делаешь, значит, уже не стоит более говорить о стыде и скромности и утомлять себя, глубоко об этом задумываясь. Ибо в тот миг впадаешь в какой-то неведомый грех. Не думай о других, пусть другие думают о тебе. Это самый выгодный путь к комфортной жизни.

…Ничего не случилось, просто нашлись два человека, ищущие свою противоположность, или недостающую часть тела. Остальное произошло будто во сне. Осколки посуды, расколовшейся надвое, соединились так, что место слома даже не было заметно. Если их хорошо слепить, то эти трещинки постепенно будут вовсе не заметны.

Не было никаких прелюдий, никаких длинных любовных речей. Их дыхания, их тела давно уже знали друг друга, им было очень хорошо. Затуманенная с подросткового возраста голова Салима сейчас сияла как натертое до блеска зеркало. Он мог усесться сейчас и написать, не переводя духа, несколько научных работ. Или же разгрызть как семечки дипломные работы, над которыми он часами потел, получая взамен деньги на пропитание. Ведь кто не знает, что живущие обычной жизнью мужчины и женщины стареют поздно, бывают бодры, работоспособны. Секрет вечной молодости и красоты – любовь, то есть единство души и тела.

На кухне горел свет, но не попадал в маленькую спальню, находящуюся сбоку. Они не убрали большое одеяло размером с саму кровать. Ибо Салим для этого должен был взять на руки Вяфу. А он уже иссяк. И у себя дома он спал не раздеваясь, на не разобранной постели, укрывался тем, что под руку попадется. Он привык к этому сызмальства, вряд ли смог бы отвыкнуть. Мать его говорила: «Даже мул, даже конь не спят в седле, животное лучше тебя, разденься и спи». Но это не возымело действия. Ибо мать сама в детстве укладывала Салима в одежде, а потом удивлялась, с чего это он болеет.

Но хотя было немного прохладно, они просто укрылись желтым шелковым покрывалом. Это покрывало еще более сблизило их. Если бы было тепло, вряд ли они уснули бы так, обвив друг друга как лианы. Он затруднялся проанализировать ситуацию. Это было естественно и прекрасно как впитывание капли в землю, вытягивание пчелой из цветка нектара, поцелуй облака с вершиной.

После дождя радуга соединила две разрозненные половинки горизонта, реки, вышедшие из берегов, вновь вернулись в старое русло. Ноты, соединившись, создали прекрасную музыку. Не осталось места ни для одного изображения, сравнения, объяснения. Это было слиянием не тел, а душ, оттенком цветов. Так же прекрасно, как то, что белое дополняет черное, а черное – белое,

как то, что красное подходит белому, а белое красному. Он чувствовал себя окрыленным как птица, сильным как Геракл. В сердце его пробудилась такая красота, что он повсюду хотел видеть Вяфу, лишь Вяфу. Счастье – это наиболее полноценное самовыражение человека. Этим утром он чувствовал себя зрелым человеком, хотел, чтобы эти чувства не иссякали, однако при пробуждении Вяфы, наверное, должно было быть по-другому…

***

Вяфа еще спала, спала как убитая, ее худые, детские руки выглядели прекраснее и нежнее, чем вчера. Может, многим не нравится худоба, но для Салима худоба была синонимом красоты, нежности, слабости. На ее лице не было никакой косметики кроме красных румян, выглядящих на ее щеках пятнами. Потому ее лицо сияло как в лихорадке, делало ее внешность еще более детской. Хотя спала она крепко, черные длинные ресницы иногда подрагивали.

Что ему делать? Обнять Вяфу и лечь рядом, ждать, когда она проснется? Или разбудить ее ласками, поцелуями? Может, пойти заварить на кухне чай или кофе, принести, как в кино, и разбудить Вяфу? А вдруг потом Вяфа будет жить с ним? Тогда она каждое утро будет ждать, чтобы Салим приносил ей в постель чай или кофе.

Он так и не смог ничего решить, не смог найти выход из ситуации. Ему хотелось остаться одному, ибо во всем случившемся, в самом этом наслаждении была какая-то знакомая нотка. Но как он ни ломал голову, понять не мог. А пока он даже думать не хотел, ибо если бы долго думал – он знал свой характер – эта нотка, превратившись в звон, лязг, заполнила бы его голову, не дала бы продыху, довела бы его до безумия. А это было началом нового упадка, серости.

Лучше, пока этот звон не превратился в оркестр, уйти, а потом посмотрим, Бог милостив. Но не скажет ли Вяфа, что он неучтив – взял и удрал? Нет, это и есть настоящее мужество.

Может, Вяфа и виду не подаст, предпочтя классическую сцену начальника и секретарши, которые при случае флиртуют, а на людях, приняв официальный вид, подают пример

благочестия. Во всяком случае, настоящий мужчина должен предоставить женщине право принятия первого решения.

А другой голос стучал ему в голову: «Ах, лжец, трус, сын труса. Появился в доме женщины, проводил, понятно – ну так ушел бы. Не ушел ведь, ночь с ней провел, а теперь убегаешь как ни в чем не бывало. Даже животное так не поступило бы».

Это говорил голос совести. Странно, с годами он звучал всё явственнее, становился всё грубее. А по соседству с ним жил мужчина по имени Ядигяр. Он уже состарился, выжил из ума и употреблял такие ругательства, что все, кто слышал, удивлялись его фантазии, каждый день эти слова слышали и мужчины, и женщины, и дети. Хотели они того или нет, в них уже накопился большой арсенал ругательств, эти слова вертелись у них на языках. Один сумасшедший довел до безумия всех вокруг себя. Что поделать, не затыкать же рот сумасшедшему...

Но немного погодя изольются той руганью маленький ребенок – в адрес своего ровесника, поставившего ему подножку, разбивающего камнем его голову, женщины – в адрес соседей, с которыми они ссорятся, мужчины – в адрес своих усталых жен, которые, отговорившись малышами, не спят с ними, жены – устав от кулаков и оплеух, от ругани мужей, ищущих повода придраться, – в адрес родителей и всех умерших и живых родичей своих мужей, мужчины – в адрес председателей, директоров ферм и в их лице в адрес Времени; и остынет их горящее сердце.

Он взял свой пиджак, на цыпочках прошел к двери, открыл ее как можно осторожнее, но дверь захлопнулась с грохотом. Вяфа не могла не услышать этого грохота и не проснуться. Если она не проснулась от этого звука, значит, она не нормальный человек…

Что же это было за знакомое ощущение? Дул прохладный ветер, и всё усиливался по мере продвижения вверх по Ичери Шехеру. Этот ветер был кстати, он остужал тело и со вчерашнего дня полыхающую голову Салима.

Поднимаясь по ступенькам, он первым делом столкнулся с Гасымагой, который жил на пенсию свой матери, вечно торчал в подворотне и с утра до вечера следил за прохожими, иногда что-то подзарабатывая мытьем машин или тем, что бегал в магазин по поручениям, и тратил всё заработанное на себя. Гасымага не курил, но был падок на кое-что другое. Всё, что зарабатывал, он тратил на семечки и мороженое. Увидев Салима, он тут же подошел к нему.

– Братец, – он всех, независимо от возраста, называл так, и за это хотелось дать ему хорошую взбучку, но Салим сдерживался, иначе о нем сказали бы: «Да он сам спятил, с кем связался – с сумасшедшим Гасымагой», – братец, кажется, ты не ночевал дома. Может, что-нибудь случилось, а?

Не дождавшись ответа, Гасымага подошел еще ближе, будто в рот Салиму хотел заглянуть, и хитро бросил еще один камешек в его огород:

– Живи, наслаждайся, молодой ведь. В город выйти невозможно, такие душечки подбегают, и пикнуть не можешь.

Ну и фраза – «пикнуть не можешь». Будто бы кто-то по этому чурбану с ума сходил.

– Жизнь улетает как семечки (ну и сравнение - как семечки).

Но сосед вновь не ответил.

– Братец, может, что-нибудь нужно?

Нет, этот проныра не собирался отставать. Салим протянул ему деньги.

– Ай Гасымага, замены тебе нет, дорогой. Вчера я был на дне рождения друга. Они зарезали барашка, а утром друг не позволил уйти, сказал, хаша не отведаешь, не отпущу. Утром в пять мы поели хорошего хаша.

Ну и ложь, никто его на такие пиршества не приглашал, он даже не помнил, когда в последний раз ел хаш.

Но подворотня сделала из Гасымаги настоящую ходячую энциклопедию. «Посмотрите только, он же мне врет. Разве может тот, кто ел хаш, пил водку, выглядеть таким напуганным? Бог знает, от какой дешевки он идет».

Гасымага внутренне даже захорохорился. Думаешь, я не отличаю кутил от таких несчастных как ты, обгладывающих кости?

Вроде сам Гасымага каждый день ел плов да шашлык. В действительности же он и сам был кожа да кости.

Гасымага стоял не шелохнувшись, как вкопанный. «Ну как мне от него избавиться? Раз в жизни провел хорошенько время, да и то отравили», – думал Салим.

– Гасымага, держи деньги, купи в магазине триста грамм колбасы и буханку хлеба, остальное возьми себе.

Оба одновременно подумали: «А что это ты так рано проголодался, ведь ты ел хаш?». Оба промолчали. У лжи мало сообщников, а у истины мало свидетелей.

Гасымага взял деньги без особого рвения, он знал, что от Салима вряд ли может быть польза. Из этих денег ему могло остаться лишь на семечки. Да и Салим так рассчитал, чтобы сдачи хватало лишь на два стакана семечек. Стоило ли идти через три подворотни к магазину ради двух стаканов семечек?

«Ах, шельмец, гляди, как вышел сухим из воды», – подумал Гасымага. «Эх, жить бы в другой части города, чтобы никто не выслеживал тебя, не подглядывал, – подумал Салим. – Хоть умри у себя в квартире, провоняй, месяцами никто в дверь не станет стучаться, не станет искать».

Он даже не поел колбасы с хлебом, а завалился спать. И вместо приятных снов увидел армянку Сирануш. Она кормила его чесноком и мацони, а когда он отказывался, схватив его за руки, вливала ему в горло уксус. Но, наверное, оттого что он истосковался, он пил этот уксус с чесноком так, будто это был мед. В нем бурлила тоска по Сирануш, дыбящаяся страсть, трепет.

Всё было хорошо, не было ни чрезмерной старости женщины, ни проклятого армянского вопроса, ни конфликтов, ни споров, ничего. Если бы не эти две причины, он мог бы спокойно жить с Сирануш. Для Салима, не любящего подъемы и спуски жизни, противоречия, это могло бы стать идеальной жизнью...

У Сирануш не существовало запретов, она не придиралась ни к одному его поступку, и он ни о чем заранее не задумывался, не нес никакой ответственности, да и ел бесплатно. После Сирануш живот Салима всегда тосковал по этим вкусным блюдам. Он не признавался себе в этом, но в нем жила печаль по ней. Он оправдывал себя тем, что в груди многих азербайджанских мужчин не погас очаг страсти, оставленный в наследство от разных Седа, Сирануш, Хайкануш. Сейчас просто ситуация не позволяет, а так – если их не стали бы упрекать, если было возможно – они побежали бы к юбкам хачиков. Человек, ставший пленником этой женской уживчивости, «безотказной» любви, забывал всё, что имел. Хачики были ***человекоподобными самками***, обладающими особым телом, программой, впитавшись в кровь, они изгоняли из памяти родную мать, любовь к родному краю, нацию, религию, язык.

Эти женщины были ключом к самым недостижимым должностям и богатствам. Принимали ту форму, которую придашь. Но и сами они так изменяли мужчин, и в особенности азербайджанцев, что и мать родная их не узнавала. Сирануш уехала из Баку как армянка Сирануш. Но Салим, не ведая того, пропитался армянским духом и теперь страдал от этого. Вряд ли он смог бы очиститься.

Его разбудил телефонный звонок. Он ленился снять трубку. В это время могла звонить лишь Вяфа, а с ней он говорить не хотел.

Наконец он снял трубку, и оглушающий голос Надира заполнил всю комнату.

– Ну что, прохвост, доброе утро (только посмотри, что говорит этот идиот). Как прошла твоя брачная ночь? Что это ты так быстро вырвался из объятий Вяфы и прибежал домой? Я звонил Вяфе, она не сняла трубку. (Почему это, с какого такого интереса он должен ей звонить?) Причины того, что ты так быстро пришел домой, может быть две (шельмец перешел к

анализу, чужая жизнь для него – что научные работы, которые он пишет за деньги) – или ты плодотворно провел время до утра, или ничего не получилось, потому что ты разучился.

В голосе у Надира чувствовалась скрытая радость. То есть – лишь бы ничего не получилось, и Салим вернулся бы, как посрамленная девушка, а затем стал бы мишенью укорительных взглядов, слова, пренебрежения Вяфы. (Эх ты, щенок).

– Что? Остаться у нее? Ты что – голову потерял? – Салим так перешел в контратаку, что Надир опешил. – Я проводил ее до дома и вернулся спать. Вчера я, обжора, так смешал выпивку, что еле на ногах держался, глаза закрывались.

– Ага, ага, ты сказал, а я поверил, Вяфа ведь прямо там тебе на шею вешалась (снова в его голосе послышалась зависть). Она не отпустила бы тебя, даже если бы ты убежал.

– Да и она была хороша. Я с трудом уложил ее в постель, она даже не очнулась. Извини, я же не буду спать с трупом. (Эх, стыдно, Салим, стыдно. Вот как ты оскорбил женщину, которую целовал и ласкал ночью. Это тяжелейшее оскорбление, армянское качество, влияние Сирануш.) К тому же нехорошо это – она наша коллега, а не уличная женщина.

Надир, который обычно за словом в карман не лез, застыл у трубки, а может, жена у него над душой стояла. Он и виду не подавал, но очень боялся жены. Она уже знала, как с ним совладать. Когда она была недовольна, то мигом жаловалась на Надира его директору. Директор, бедняга, был скромным человеком, имел хорошенькую, «тихую» семейку, тихую – в смысле, жизнь его была адом. Дочь развелась и вернулась в отцовский дом с ребенком, развод дочери сильно на него подействовал. Считая это бесчестием, унижением, он не мог смириться. Но по-другому с Надиром, этим наглым, бездушным человеком, справиться было невозможно.

Или его ошарашило внезапное наступление Салима. Он ни за что не поверил бы, что действующий втихомолку Салим мог вернуться с пустыми руками. Однако он осторожничал, опасаясь, что если продолжит упорствовать в расспросах, Салим скажет Вяфе, и отец той, работающий ректором, житья ему не даст. Салим быстро среагировал и, не дожидаясь второй атаки Надира, сказал:

– Не неси чушь, дай поспать, воскресенье ведь.

Он еще и принял меры предосторожности, выключил телефон, задернул занавески и сомкнул глаза, с целью увидеть продолжение сна с участием Сирануш.

Вскоре он погрузился в сон. Перед ним расстилалась деревня, на склоне высокого холма он положил голову на полные колени Сирануш. Сирануш показывала на горы, овраги, реки, тянущиеся вдоль горизонта, приговаривая: «Ара, Салим, это всё досталось мне в наследство от отца. Даже нет, от прапрапрадеда. Если будешь с нами, то есть со мной, они будут и твоими».

Ему хотелось сказать: «Как же так, плутовка? Что ты мелешь? Как это всё стало вашим? Это наша деревня, а то вон соседская».

Женщина уже была готова к этому вопросу: «Нет, Салимчик, это издревле армянская земля. Разве ты не видишь могилы? Разве ты не грамотный, не умеешь читать? Это могилы наших дедов, наших предков».

Салим посмотрел и увидел могилу своего деда – он узнал ее по одинокому можжевельнику, растущему рядом, однако на надгробье были написаны какие-то армянские слова.

«Что ты несешь? Это могила моего деда».

С горизонта начал подниматься густой туман. Горы, долины исчезали как наши земли, находящиеся в армянской оккупации. И Сирануш исчезла, голова Салима покоилась на скале на вершине Пирдашы. Но и скала, выскользнув из-под головы, утекала в тот туман. Салим хотел закричать, но не мог, какая-то горечь, горечь потери обжигала его горло…

***

Когда он проснулся, был почти полдень. Поднявшись, Салим сразу включил и телефон, и старенький советский телевизор с мутной картинкой. Передавали новости. Голос диктора

наполнил комнату. «..Армяне подвергли длительному обстрелу с вертолетов такое-то село, мы еще не смогли получить точные сведения из пресс-службы Министерства Обороны об убитых и раненых…»

Он побежал и схватился за телефон, набрал номер коммутатора деревни, чтобы его соединили с домом. В трубке слышались то длинные, то короткие гудки. Сердце ушло в пятки... ох, что же произошло? Он уже столько времени терзал себя тем, что деревня, находящаяся на границе с Арменией и часто подвергающаяся обстрелам, атакам, может сорваться в город. В этом случае ему пришлось бы иметь дело с целой армией родичей, уничтожили бы они его, всю кровь бы выпили. И они не то что спасибо не скажут, но даже не пожалеют его. Это твой долг, вот и всё!

Прошло десять минут. Десять минут длиной в столетие. Вновь раздался звонок. Он снял трубку, и нежный голос Вяфы наполнил светом его сердце. Он и сам не подумал бы никогда, что женский голос способен его так обрадовать. Действительно ли этот голос обрадовал его как мужчину или же после услышанных известий он просто искал место, где можно было бы приютиться, спрятаться, и этим местом вновь была женская юбка? Эта привычка у него осталась от детства, когда он целыми днями волочился за матерью, крепко ухватившись двумя руками за ее юбку. Хотя он и перестал так себя вести, когда чуть подрос, ибо мать била его по рукам, всё же опять он вертелся вокруг матери. В то время как другие мальчики играли со своими сверстниками, он следовал за матерью по пятам, стоял рядом с ней, прислушиваясь к ее беседам с другими женщинами. Именно этим, и еще несоответствием своего внешнего вида – он был нежный и светленький – мрачному, словно слегка подгоревшему, облику деревни, Салим заслужил прозвище маменькиного сынка.

***

Вяфа проснулась от грохота двери. Сначала она не могла пошевелиться, голова ее так отяжелела, что она побоялась, что упадет, если встанет. Затем она выпрямилась и села в постели. Попыталась вспомнить, понять, что произошло. В эту минуту в ее голове ожила лишь одна сцена. Салим прижал обе руки девушки к своей груди, пытается их согреть, словно птенца, выпавшего из гнезда, и нежно целует. Затем эти поцелуи поднялись к плечам, оттуда водопадом сошли вниз. Всё ее тело с головы до пят погрузилось в этот дождь. Вяфу будто окутывали нежные белые лепестки черешни, которую обдул весенний ветерок. Поцелуи отдавали ароматом тех лепестков. Райским ароматом, не похожим ни на одни французские духи.

Весенний ветерок, изменив направление, снова овеял Вяфу, на сей раз это был сухой, горячий летний ветер. Краски в комнате изменились, теперь она была усыпана розовым и яблочным цветом. Она не чувствовала ни своего тела, ни настойчивых движений чужого мужчины, сжимающего ее. Они оба, слившись с этими розовыми лепестками, растаяли во мраке комнаты…

Эта ночная встреча совсем не соответствовала опыту Вяфы, самым пламенным сценам, виденным ею в эротических фильмах, ее ощущениям, представлениям, а была гораздо возвышеннее, прекраснее и незабвеннее. Она была влюблена в Салима, в городе сама возможность вот так сразу влюбиться казалась необычной. Однако сердце ее не спешило. Всё ее нутро трепетало, и этот трепет, настроившись на что-то, говорил, что Салим не сможет спастись из ее когтей или любви.

Поняв, что Салим ушел, она не обиделась, не удивилась, не огорчилась. Пчела, высосав нектар из цветка, улетела. Однако она вновь вернется к тому нектару. Волна, ударившись о песчаный берег, возвращается, чтобы раз за разом ударяться об этот берег. Ветер прижал к горячей земле для поцелуя нежные ветки ивы и поднял обратно, этот поцелуй должен был повториться вновь, и таким образом никто не насытился бы друг другом.

Салим правильно сделал, что ушел, это было настоящим мужским поступком. Если бы он остался, то Вяфа потеряла бы вдвоем первую радость тех прекрасных мгновений. Наверное, он дал Вяфе возможность выбора, предоставил как истинный джентльмен, свободу.

Удивление в Вяфе всё росло. Откуда в деревенском парне взялась эта нежность, необычность? Будто он прошел особый урок и усовершенствовался. В Салиме сочетались чувствительность и страсть, что не в каждом встречается. Вяфа знала и была свидетельницей того, как зачастую образованные, представительные мужчины, ведущие себя в обществе как истинные джентльмены, в четырех стенах, вдали от чужих глаз, совершенно меняются - когда поднимают голову дремлющие первобытные инстинкты в самой недоступной части сознания, меняются и даже сами себя не могут узнать, становятся грубыми, бессердечными хищниками. Эх, невозможно представить, сколько женщин страдает от грубых мужчин. Ибо эта грубость часто остается за сценой, подавление обществом этих инстинктов открывает путь не человечности, а наоборот, дает простор для подобной грубости.

Вяфа так засмеялась, что будто от собственного голоса проснулась. Ну и ну, сама с собой говорю, философствую. Правда, то, что мужчина в подобной ситуации оставил женщину и ушел, можно расценить и как отсутствие культуры. Однако Вяфа не хотела подпускать близко эту неприятную мысль. Неприятность в жизни всегда вертится вокруг нас и только и ждет случая, чтобы опустить свой меч нам на голову, вонзить свой нож нам в сердце. А добро – стеснительная девчонка, надо самому сделать шаг ей навстречу и, найдя, ухватиться обеими руками, даже преклонить перед ней голову и колени.

Первым делом она позвонила и вызвала женщину, которая три раза в неделю прибиралась у нее дома. Она ожидала звонка – пусть даже не от Салима – первый благоприятный звонок стал бы знаком того, что день пройдет хорошо. Это была мать:

– Дочка, приезжай, мы с папой ждем, я приготовила пельмени, – сказала она.

Мать знала, что Вяфа чуть ли не с ума сходит по мучным блюдам – пельменям, хингялу.

– Мама, голова с утра болит, кажется, давление упало. Может, мне отлежаться немного, отдохнуть?

Мать разволновалась:

– Хочешь, мы тебя проведаем?

– Нет, мама, дай прийти в себя, завтра приеду.

– Что ты говоришь, разве пельмени до завтра останутся? Я пошлю через водителя. А еще долму приготовила из свежих листьев. Поешь с чесноком и мацони.

– Мацони пошли, а чеснок отложи.

– Почему? Ты же чеснок любишь.

– Нет, мама, боюсь, сердцебиение участится. Пришли только мацони.

Через полчаса приехали и водитель, и домработница.

– Тетя Назпери, быстренько, днем у меня будет гость, закругляйся и уходи.

Женщина с жадностью посмотрела на полные казаны:

– Детка, давай я останусь, поухаживаю за тобой.

– Нет, нет, не утруждайся, отдохни в воскресный день.

Женщина подумала: «С каких это пор Вяфа заботится о моем отдыхе? Интересно, кто же ее гость? Наверное, мужчина, иначе не стала бы она так выпроваживать меня. В другое время она меня даже домой не хочет отпускать, если бы могла, велела бы и в туалет ее водить».

Она даже прислушиваться не стала к словам Вяфы, наоборот, стала работать спустя рукава – настроение испортилось. Женщина ждала, чтобы гости поели-попили, а остатки хотела отнести домой, для себя и старого мужа. Ибо Вяфа предпочитала поесть колбасы и сыру, но к еде, оставшейся на утро, не притрагивалась. Поэтому тетя Назпери каждый раз возвращалась домой с трехдневным запасом пищи. Что тут попишешь – жизнь, каждому хлеб Бог по-разному посылает.

– Тетя Назпери, в холодильнике остался плов, забирай.

Тетя Назпери так обрадовалась, что закружилась по квартире как птица.

Она перестала уже прислушиваться к Вяфе, зашедшей в спальню и крепко-накрепко закрывшей дверь. Ибо та делала это тогда, когда имела с кем-то секретный разговор. А Вяфа чувствовала, что эту простую с виду женщину сжигает страшное любопытство к чужим тайнам, жизням.

Салим ждал у телефона. Странно, почему не звонит Вяфа? Нет уж, Вяфа должна позвонить, как тебе не стыдно, мужчиной назвался, а даже звонка обычного от женщины ждешь. На самом деле, у него никогда не хватило бы смелости позвонить самому. Салим был из тех, кто всегда на вторых ролях, кто всегда говорит свое слово вторым или вообще последним, или молча пропускает вперед других.

Он начинал скучать, скучать по шелковым волосам Вяфы, нежным рукам, по костлявой как у ребенка груди, по нежным губам, по хрупкому послушному телу.

Ей-богу, кажется, он сильно влюбился в Вяфу, и это, наверное, было той самой любовью, которую он давно уже ждал, по которой тосковал.

При первом же телефонном звонке он взял трубку так, будто вырвал ее из чьих-то рук. Хорошо, что Вяфа стала говорить с ним как с самым дорогим, самым родным человеком.

– Салим, что делаешь?

Он хотел ответить, но запнулся, испугавшись, что голос его прозвучит сдавленно, жалко. Постоял, выждал секунду, затем ответил:

– Настроения нет, Вяфа. Наша деревня…

Договорить он не смог. Какой-то внутренний голос прошептал ему, что он потеряет Вяфу навсегда, если станет говорить об этом. И он остановился.

– Да, из деревни мама звонила, отец немного болен, вот настроение и испортилось.

Ну и довод, хорошо он вышел из положения. Славную отговорку нашел, оправдался за то, что не звонил ей, и давал возможность Вяфе его пожалеть. Вновь преимущество было на его стороне. Молодец Вяфа, опять нашлась, что ответить.

– Салим, приглашаю тебя на обед. Разве мы не коллеги? Приходи на чашку чая.

Ах, какая проницательная женщина! Ему было по сердцу, что всё идет просто и легко. На самом деле, он утомился, не хотел больше думать об обстрелянной армянами деревне, родителях, живущих в постоянном страхе, жителях деревни, он порядком устал - сколько может человек думать об одних и тех же горестных, печальных происшествиях? Мозг так утомился, что не принимал негативную информацию, сколь бы важной она ни была.

– Зайду, Вяфа. Почему нет, дорогая, благодарю тебя.

– Не волнуйся, Бог в помощь твоему отцу, и мои родители частенько болеют, а жизнь продолжается.

Вяфа смолкла. Ей и самой показалось странным, что вдруг она, точь-в-точь как женщины из, допустим, той же деревни Салима, заговорила учтиво, благожелательно.

– Да что ты, что ты, вчера ты поухаживал за мной, а сегодня я должна или нет вернуть свой долг?

Эти слова, сказанные в шутку, смыли неверие, сомнения Салима так же, как проливные дожди смывают пыль с асфальта. Ему даже показалось, что Вяфа и впрямь ему должна – за проводы домой, «услуги» той ночи.

Вдруг он почувствовал в себе доселе неведомую ему мужскую гордость, легкость. Вынув выходной костюм из шифоньера со сломанной дверцей, он на всякий случай стряхнул невидимую пыль. Было время, когда этот костюм совсем вышел из моды, он стеснялся в нем ходить, однако, к счастью, костюмы в полоску вновь вошли в моду. Он никогда не держал в кармане лишних денег. Собственно, лишних денег у него и не было. Он знал, что как только в кармане заводятся деньги, они спешат потратиться. На сей раз он, не испытывая страха, взял из

отложенных денег. Ведь не мог же он идти к Вяфе с пустыми руками, нужно было купить цветы либо конфеты. Нет, не конфеты – они будут съедены, а цветы еще три-четыре дня смогут напоминать Вяфе о Салиме.

Он не стал покупать цветы рядом с домом. Как индейцы, заметающие следы, вместо того, чтобы спускаться к крепостным воротам, Салим поднялся к метро, ибо Гасымага со вчерашнего дня усилил наблюдение, надо было его сбить со следа. Рядом с метро ему составили хороший букет роз. Он в жизни не был так щедр. Спускаясь с букетом роз в руке по улице Истиглалият, он вдруг растерялся. Что бы он сказал, если бы вдруг повстречался со знакомыми? Ведь он никому не покупал подарки, кроме тех денег, которые они собирали на работе на восьмое марта, дни рождения, никому, тем более, женщине. Если б только было можно, он убежал бы, бросив букет. Но ведь он отдал кучу денег.

Держа букет бутонами вниз, Салим спрятал его за спиной. Он так запыхался, что казалось, вот-вот перестанет дышать. Когда Вяфа открыла дверь, он всё еще задыхался: иметь светлую кожу, да еще и покраснеть. Фортуна работала в пользу Салима, и Вяфа приняв это за смущение, еще более загордилась.

Он протянул букет Вяфе с величественным видом, словно редчайшие в мире сокровища. В эту минуту Салим и правда был очень мил и привлекателен. Молодой человек в «новом» костюме показался ей женихом, и она увидела себя в одном из лучших ресторанов Баку, она идет под руку с Салимом, а алчные, хищные взгляды посторонних людей маслом разливаются по ее сердцу.

Цветы находились между Салимом и Вяфой, никто не держал букет, они прижимали его своими грудями. Хорошо, что цветы были завернуты в бумагу, иначе шипы оставили бы на белой груди Вяфы шрамы над вырезом голубой кофточки. Это была настоящая сцена из кино. Между ними лишь цветы да шипы. Две молодые груди, вздымающиеся как маленькие вулканы, желания двух тел, смешавшись с цветочным ароматом, еще более опьяняли их, затуманивали глаза. Наконец, Салим обнял цветы вместе с девушкой и прикоснулся губами легонько к ее чистому блестящему лбу. «Как ты, дорогая?». Салим так тихо произнес эти слова, что и сам

плохо расслышал. Однако Вяфа, чьи ощущения, органы чувств находились в чрезвычайном напряжении, услышала и покраснела до кончиков ушей, и от этого стала выглядеть еще нежнее, еще изящнее.

Минут пять они стояли, соприкасаясь головами. «Вяфа, выйдешь за меня замуж?», – сказал он. Он и сам не почувствовал, как выговорил эти слова. Но он вовсе не пожалел, а испытал еще большее облегчение, заважничал,надулся как индюк. Удивительно, что Вяфа не покраснела, не растерялась, не стала заикаться, но и слова не произнесла. И это чуть сняло напряжение. Как ни в чем не бывало, она отошла от Салима и сделала это так мастерски, что букет остался у нее в руках. Взяла большую хрустальную чешскую вазу, стоявшую на столе. Она так нежно держала букет, будто в жизни не видала цветов, или будто обнимала любимого, по которому тосковала, которого ждала годами.

– Что ты стоишь на пороге, проходи.

Салиму стало слегка нехорошо, и впрямь, подобное предложение у порога сделал бы лишь 14-15-летний подросток, опьяневший от любви. Зайди внутрь, выкажи учтивость, ах, негодник. Ведь не собирался же ты учиться обращению с прекрасным полом у Сирануш! Был ровно час. Настоящее обеденное время. В это время он спускался в столовую на первом этаже института, ел борщ, рис или что-нибудь в этом роде. А дома его единственной едой была колбаса. Ему стало совсем стыдно, словно он вышел на обеденный перерыв. Плохая привычка была у него – как только еда запаздывала, его одолевала дурацкая зевота, к тому же чуть погодя начинало урчать в животе. Воздушные пузырьки в животе поднимались наверх и лопались во рту. Он каждый раз должен был проглатывать эти маленькие шарики, чтобы те не издавали звук. Это было очень трудно, порой он не успевал и у него вздувались щеки, он сглатывал. Несчастная Вяфа не ведала об этом и о других подобных сюрпризах. Ибо обычно видела Салима в коридоре сытым, в то время когда он с кем-нибудь беседовал. И теперь следовало подкрепиться. Сытый на всё способен, а геройство голодного похоже на глупые попытки утопающих, хватающихся за соломинку.

На не очень большом дорогом румынском обеденном столе была расстелена накрахмаленная белая скатерть, расставлены золотистые фарфоровые тарелки, рядом с ними лежали серебряные ножи и вилки. Смышленый человек понял бы, что хозяйка этого дома вращается в высшем обществе, является человеком состоятельным и со вкусом. И Салим это понимал, однако удовольствия от этого не испытывал, то есть можно, но не важно. Пусть будут удобства, вкусная пища, а можно и руками поесть, это ему было нипочем. Точно так же после женитьбы на Вяфе, привыкнув, он просто перестанет ее замечать, будет чувствовать, просто воспринимать, как цифру на бумаге, жена превратится для него в бесцветное, бесформенное невидимое существо. Ей-богу, заходя в дом, он не станет утруждать себя и часами смотреть на нее. Эта холодность, сейчас выглядящая как сдержанность, завтра превратится в ужасное пренебрежение, заставляющее женщину за год постареть на десять лет, превратиться в существо неопределенного пола.

Вяфа ошибалась, обманувшись этим спокойствием. Если бы она что-то уловила, скорее согласилась бы умереть, но замуж за него не вышла бы. Но сейчас она думала, что надев ошейник на этого деревенского несмышленого парня, сможет выгуливать его как комнатную собачку. Ей и в голову не приходило, что Салим с безжалостностью, не присущей сознательным людям, превратит ее в горстку праха. Голос Вяфы послышался из кухни. Она проворно работала маленькими ручками. За секунду цветы оказались в вазе с водой. Теперь на кухне она раскладывала еду по блюдам с золотистой каемкой. Но Салим всё еще стоял как вкопанный у двери, не мог пошевелиться, будто у него живот разболелся.

– Не стесняйся, проходи, садись. Теща любить тебя будет (то есть, моя мать).

Тем самым Вяфа словно говорила, что счастливая звезда Салима загорелась очень ярко, и ясно давала понять, что ее мать любит зятя. Он уселся во главе стола, молчал. Будто пришел уже сытым и есть не хотел. А на самом деле, ему было страшно, ибо скоро в животе начнется сущий ураган, тихие отзвуки превратятся в грохот. Порой ему казалось, что в животе целый лягушатник, который знай себе квакает. Ах, как бы он всех их передушил. Но…

– Знаешь, как моя мама готовит пельмени? Кто отведает, к другой еде больше не притронется. Наверное, ты еще не ел свежую долму. Первые листья в этом году. Я всё никак не пойму, откуда в такое время года мама раздобыла свежие листья.

«Да неси ты уже эту еду проклятую, хоть в сковородке, хоть в простом блюдце, только неси. К чему мне блюдечко с золотой каемочкой, умираю, умираю, умирааааю с голода».

Конечно, он произнес всё это про себя, не мог же он закричать, но был на грани. В конце концов, так бы и случилось. Эта сцена уже возникала в воображении Салима, и ее оттуда не вытянули бы и сто бульдозеров, понадобилось бы уничтожить самого Салима.

Посреди стола от пельменей в глубоком блюде валил пар. Рядом долма, мацони…

– Я сама чеснока не положила. Ты ведь знаешь, если гостю дать чеснок, это не к добру.

«Да, не к добру, конечно, скажи лучше, что у него изо рта будет нести чесноком, поцеловаться не сможешь».

Салим и сам удивился этим словам. С чего это вдруг у него испортилось настроение? Ведь пять минут назад он был готов носить Вяфу на руках. Откуда эта горечь, наполнившая его сердце, куда исчезли возвышенные чувства? Наверное, это от голода. Но эти пельмени, долма настойчиво ему кого-то напоминали. Ах да, это у Сирануш пельмени были такими маленькими, долма была такой ароматной. Может, именно она первая в Баку готовила долму из свежих листьев. Она была помешана на том, чтобы готовить два этих блюда в один день. Если бы не Вяфа, этот дом, Салим с закрытыми глазами, без тени сомнения сказал бы, что эти блюда приготовила именно Сирануш.

Аппетит пропал. Он готов был отказаться, но проклятое урчание уже подавало сигнал к наступлению… Поначалу он был учтив, затем всё вышло из–под контроля. Он начал есть с таким аппетитом, что Вяфа, всегда мало евшая, тоже присоединилась к нему. Они наелись до отвала. Для чая места не осталось. Он не смог бы притронуться к черешневому варенью с грецким орехом, даже если бы оно было бальзамом от всех бед.

Оба задыхались, не в состоянии даже поцеловаться. Вот и хорошо, Салим ненавидел целоваться. В слюне содержатся тысячи микробов. Он почувствовал влажные губы Вяфы на своих, его стало мутить. Однако это состояние было скорее вызвано перееданием.

Они сидели на диване рядом. Тишину нарушила Вяфа:

– Ей-богу, я в жизни так не наедалась, задыхаюсь. Молодец, ты с таким аппетитом ел, что я обрадовалась и присоединилась к тебе.

Вяфа действительно ни разу в жизни так не объедалась. Ела она обычно детскими порциями. Однако Салим поглощал пищу быстро, задыхаясь, и это словно и ее заставило задыхаться, она потеряла спокойствие, ела поспешно, не разбирая что и как. Таким образом, она съела за пятерых. Сидеть за столом с Салимом было адской мукой. Его манеры, поспешность, обжорство не вязались с его внешним спокойствием, и в то же время раскрывали истинный облик, были ярким выражением его бескультурья. Имей девушка возможность, она взяла бы свою тарелку и перешла бы на кухню. Но это был их первый обед, к тому же гостя нельзя оставлять одного.

Салим знал, что Вяфа ест мало, однако не считал ее сегодняшнее обжорство своим влиянием на нее. Это лишь показалась вторая Вяфа, спрятавшаяся внутри первой, инстинкт, доставшийся от предков.

Допустим, это было влияние Салима. Тогда пусть у нее пропал бы аппетит. Есть пельмени, а следом долму – эту причуду он замечал лишь за Сирануш. Конечно, Сирануш никак не была связана с Вяфой, это никогда бы не пришло ему в голову. Просто она так прочно разместилась в мозгу Салима, что там всё пропиталось ею – аппетит Сирануш, эгоизм, забота лишь о себе, ненависть ко всем виновным и невиновным, мешающим ему, злоба – всё относилось к Сирануш. Хорошее – Сирануш, и мерзкое – тоже Сирануш.

Несчастной будет жена Салима, да и дети его. Эта женщина должна быть как Сирануш, в этом доме должны царить лишь законы Сирануш, ибо Салим встречал утро вместе с Сирануш,

засыпал вместе с Сирануш, кровь в его венах была Сирануш. Она была той субстанцией, что называют сознанием, умом, чувством. Она была его безумием, сумасшествием.

Лишь имя от Салима осталось. Безграмотная армянская женщина разместила в мозгу грамотного научного работника целый армянский мир, пропитала его армянским духом. Хоть он и не признавался себе, такова была истина. Этот яд перешел в Салима через такой сильный канал, что волны его станут преследовать его как радиация до последнего пристанища и отравят даже кладбище. Волны нарушат спокойствие умерших, вернее, потревожат беспокойные души шахидов, проливших кровь ради Родины.

На кладбище вновь шла армяно-мусульманская, армяно-тюркская война. Души шахидов не подпустят таких близко, а уйти они не смогут, ибо азербайджанские имена и фамилии на надгробных плитах, как веревки, не отпустят армянские души в тюркском обличье.

И здесь, на кладбище, армянская тень не дает душам спать спокойно, мучает их. Оскорбляет своей близостью, соседством, армянскими костями оскверняет это последнее пристанище.

***

Хотя молчание Салима и было не совсем понятно Вяфе, послеобеденная вялость утомила и ее саму. Так и хотелось лечь поспать. Ведь она встала с утра и против обыкновения стала готовиться. Но это не было время для сна. Вяфа смотрела на Салима в качестве мужа. Не хотела портить атмосферу сегодняшнего дня. Все было в порядке. Одна рука Салима лежала на шее Вяфы. По мере того как пища опускалась все ниже, ему дышалось всё вольготнее, его пальцы начинали потихоньку теребить завитки волос на шее девушки, что маслом разливалось по сердцу Вяфы, освобождая ее от тяжелого впечатления, произведенного обедом.

Нет, эта тяжесть была признаком одиночества, уже ставшего привычным для Вяфы. Она начинала быстро уставать, скучать среди людей. Вяфа была по гороскопу Рак, всегда желала видеть себя среди листьев, трав, вод. Она читала о Раках, так и хотела – слушать тишину под падающими желтыми листьями.

Салим же, наоборот, родился под знаком Близнецов. Долго в одном состоянии находиться он не мог. Внешне он этого не показывал, и никто не знал, что внутри этого человека ветры каждую минуту дуют в разную сторону. Эта изменчивость портила настроение ему самому, отупляла, делала зависимым, не давала свободно жить и думать. Противоречия постоянно его мучили, доставляли боль голове и сердцу.

– Салим, ведь у нас и в Ичери Шехере есть один дом. Отец купил для меня, я там всего раз была. Теперь отец хочет приступить к ремонту, уже столько времени просит меня пойти и посмотреть, предложения свои высказать, чтобы потом всё было мне по сердцу. Ну что, сходим, посмотрим?

«Не надо ходить», – подумалось ему. Но он отогнал эту мысль, не придал ей значения, сочтя признаком вялости. Это было хорошее предложение. Во-первых, он увидит свой будущий дом, во-вторых, придет в себя на свежем воздухе. Наверное, Вяфа предложила это, чтобы Салим понял, что он станет хозяином того дома в качестве ее мужа.

Салим и Вяфа считали излишним скрываться. Они будто уже сто лет были обручены, оба уже вошли в эту роль, не хотели прятать это от людей. Салим обрадовался. Конечно, прекрасная погода, пойдем прогуляемся, потом выпьем чаю. Ему даже в голову не приходило куда-нибудь пригласить Вяфу, он не хотел расходовать на это деньги, да и не было лишних денег. Вообще, Сирануш научила его не тратить деньги на женщин, а есть и пить за их счет, и вряд ли он отучился бы от этой привычки, ибо это, ко всему прочему, не устраивало Салима.

Вновь Сирануш, о Боже, как же велика власть этой туши, этой безграмотной женщины над ним! Почему она не отстает от него, не оставляет в покое, чего хочет, почему не дает жить красиво, в комфорте? Заставляет на всё смотреть своими глазами, своими армянскими законами и правилами. Коварная, злокозненная женщина, всегда выглядящая тихой и жалкой, отобрала у

него его Бога, душу, религию. Отобрала у Салима его мать, отца, нацию, землю, тюркскую судьбу.

…Они поднимались вверх, Салим, вместо того чтобы взять Вяфу под руку, держал ее за руку. Это нравилось девушке, ступать по-иному по вымощенной булыжником улице было невозможно. Стоял солнечный день, Салим будто только сейчас видел тайный мир Ичери Шехера. О Боже, как здесь красиво, даже шум машин не мог пробраться сюда и нарушить это очарование. Обрубали руки-крылья Ичери Шехера, однако к душе его прикоснуться не могли. Если так будет продолжаться и дальше, от Ичери Шехера ничего не останется, вместо него посреди Баку останется лишь клеймо, которое будет саднить в наших сердцах. Ибо Ичери Шехер был бессмертен, вечен как душа.

Салим вдруг очнулся и увидел, что они в подворотне, где всегда ошивается Гасымага и что глаза Гасымаги точь-в-точь как глаза волшебного пса из сказки Андерсена, вытаращены и величиной с блюдце. Ведь не шутка – как бы простенько ни одевалась Вяфа, она среди этих подворотен, низеньких домов выглядела торжественно, прекрасно как сказочная принцесса. И Гасымага, и продавец зелени, даже случайные прохожие смотрели на них с интересом и завистью, и Салим под их взглядами надувался как индюк. Наконец, Гасымага вздрогнул и пришел в себя, но не успел поздороваться, не смог заставить тем самым Салима и Вяфу на секунду задержать шаг. Воспользовавшись тем, что он опешил, Салим ловко прошел мимо, и Гасымага успел лишь внимательно переписать в свою память их сплетенные пальцы, отправить эту картинку к будущим материалам для будущих анализов.

Что они здесь делали? Вяфа поднималась по лестницам дома, в котором жил Салим, как птица, а застывший от изумления Салим еле волочился за нею. Его отяжелевшая голова совершенно отказывалась думать. Вяфа остановилась прямо на его этаже, то есть в общем с бывшей квартирой Сирануш коридоре. Но не перед квартирой Салима, а перед дверью Сирануш. Она достала ключи и сунула в замок. Кажется, дверь давно не открывали, второй оборот ключ проделал с трудом. Салим вроде слышал, что какой-то человек при деньгах купил эту квартиру, сменил и дверь, и замок. Однако ровно три года никто сюда не заходил, никто даже не знает покупателя, соседи никого не видели, кроме мастера, сменившего дверь.

Так говорили: «Большие люди, при деньгах, скупают дома». Но внук тети Гялям, живущей на первом этаже, как-то обмолвился, что точно известно: этот дом даже не был продан, Сирануш оставила его для родственников, а взамен ее спокойно, торжественно, без эксцессов проводили из Баку. Ибо Сирануш до последнего оставалась в Баку, не хотела отсюда уезжать, как пиявка, не желающая отцепиться от места, к которому присосалась. Всё надеялась, что азербайджанцы не тронут бедных армян. А когда об этом заходила речь, нагло говорила: «Подумаешь, большое дело, мы только хотим свои земли, отдайте и всё».

Словно речь шла не о Карабахе, а о куске асфальта, и азербайджанцы были скупыми, узколобыми, не хотели понять добрых соседей, позаботиться о них, взять на себя их беды.

Вяфа еще раз повернула ключ, кончики ее нежных пальцев покраснели, она сморщила губы и в этот миг выглядела такой красивой, что Салим прямо там обнял и поцеловал ее. Это увидел и Гасымага, стоявший внизу. Он пришел сюда и, забравшись на низкую крышу дома напротив, во все глаза наблюдал за Салимом и его спутницей сквозь окно с разбитым стеклом. Хоть он и не видел нижние части их тел, они оба были на мушке по грудь. Невольный стон вырвался у него, когда он увидел, как Салим поцеловал Вяфу, он и сам не понял, почему. Наверное, новая сцена, новая информация была неожиданной. Он будет говорить, говорить, поднимая своей осведомленностью свой «вес» среди соседей. Салим знал, что кто-то, наверное, точно видит их сквозь щели, дыры, но это всё было ему нипочем, он сделал предложение, все поступки Вяфы, ее доброта, благоухающее тело говорили ему: «Да, да». Он и сам уже почти растаял, точно так же как впервые на пороге ее дома, обмолвился нежеланным словом:

– А ведь в этой однокомнатной живу я.

А чего скрывать? Сирануш отправилась к чертям, и никто, как бы внимателен он ни был, не почувствовал бы, что между ними что-то есть. Кроме той умершей девушки! Наверное, и она любила Салима, была настроена на его душу, и поэтому почувствовала чужие нотки, двуличную жизнь. Блеск в глазах, не соответствующий возрасту Сирануш, в глазах, высматривающих добычу под кустистыми бровями, оскорбил женскую чувствительность, гордость азербайджанской девушки. Она тоже ушла из жизни. Могила секретов не выдает. Отчего-то она

стала мишенью гнева Сирануш, которая могла даже отравить ее. Сделать это было довольно легко, ибо наивным, простодушным тюркам, к тому же искренним, чистосердечным жителям Ичери шехера, и в голову не могли прийти подобные мерзости. Выражение неприятия, ненависти друг к другу у них состояло в переругивании, максимум угрозах, паре оплеух, да пинках. Да и такая ссора длилась самое большее до праздника Новруз.

А Сирануш даже не охнула бы, выпивая нашу кровь. Салим неоднократно это чувствовал, однако виду не подавал, ибо мог потерять свой покой, удовольствие. Для Сирануш найти нового квартиранта было раз плюнуть. Все хотели жить в центре города. Сходить отсюда на уроки, да и просто пошататься было легче. К тому же Салим был не первым квартирантом Сирануш. Хотя он и самому себе боялся признаться, он был уверен, что каждый желавший остаться здесь парень побывал в постели Сирануш, прошел хорошую школу. Женщина привыкла к этому, тех, кто не подчинялся, выпроваживала максимум через месяц, говоря, что вроде из Еревана приехали родственники и там жить будут они.

На сей раз Вяфа растерялась. Вдруг Салим узнает, что Сирануш - «родная, самая любимая тетя» ее матери. Ее мать не знала о подобных проделках, об истинном лице своей тети, Сирануш для них была доброй, бездетной, несчастной родственницей, которой не везло с мужьями. Ее подарки, помощь, была притчей во языцех, все очень ее любили. Вяфа в том числе.

Но Вяфа и другие родственники не приходили в этот дом. Сирануш создала такие условия, что сама ходила в дом родственников, безвозмездно помогала по хозяйству, в приготовлении пищи. Ее соленья, варенья, мучные блюда стали легендой. С заботливостью, присущей армянкам, она и мать Вяфы научила вкусно готовить, и потому стол, накрываемый матерью Вяфы, отличался отменным вкусом.

Муж бабушки Вяфы был азербайджанцем, и дочь свою он выдал за азербайджанца. Благодаря этой дальновидности они ассимилировались и остались в Баку. Ни один волосок не упал с их головы: они имели должности, деньги. А те, кто знал об этом, не подавали виду, наоборот, из кожи вон лезли, чтобы им угодить. Не то вдруг подумают, что мы к ним плохо

относимся из-за того, что они наполовину армяне, этим полукровкам оказывали больше внимания и заботы, давали больший простор для действий, пропускали вперед.

Этот дом Сирануш подарила внучке своей сестры, которую она любила как свою дочь. Однако гордый отец Вяфы под видом «дорожных расходов» дал ей денег с лихвой, проводил в Москву под чужим паспортом. Затем Сирануш уехала в Ереван, где и умерла. Живи она в Москве, и Вяфа, и ее родители частенько бы ее навещали, родственник ведь, человек, что с того, что армянка, среди них тоже есть хорошие и плохие – говорили бы они, оправдывая себя. Но именно отец Вяфы выступал с самыми пламенными речами. И все говорили: ну да, не повезло ему, женился на армянке, но ведь у него есть дочь, не станет же он бросать жену. Это трагедия нации. Кто в то время смотрел на национальность жены? Женились на той, кто нравился.

Но было правдой и то, что отец Вяфы никогда не сожалел о своем браке. Многие специально женились на девушках других национальностей. Понаблюдав, они поняли, что одной из линий советской политики является стратегия переваривания национальностей в одном котле и, как следствие, русификация. Поэтому всеми средствами, всеми путями представители смешанных браков выдвигались на должности, парни различных национальностей, мобилизованные комсомольскими путевками на всесоюзные стройки типа Байкало-Амурской Магистрали и тому подобные, брали себе в жены русских девушек, ищущих мужей. Молодость, одиночество. Конечно же, большинство женилось на этих русских девушках. К тому же, оттого что мусульманские девушки не ступали в такие отдаленные места, для любви русских девушек открывался свободный от конкуренции простор. Армянским же девушкам даже этого не надо было. Эти женщины особой породы не знали запретов, они имели много способов и приемов для достижения своих целей, на что азербайджанки были не способны.

Безусловно, Салим этого не знал. Вяфа говорить не собиралась, а когда он узнал бы, уже было бы поздно, вряд ли он смог бы спастись из хватки тестя. Одного слова жены было достаточно, чтобы ректор в своем роде уничтожил Салима. Но и у Салима не было той отваги, чести, чтобы, узнав об этом, бросить Вяфу, ибо Сирануш так его отравила, что он раздражался, слыша слова «нация», «честь», эти слова сыпали соль на его раны.

Вяфа обрадовалась. Вот это и называют везением: объединив квартиры, двухкомнатную можно сделать трехкомнатной. Она не знала, каким образом Сирануш прибрала к рукам эту квартиру, чьим настоящим владельцем вначале был коммерсант. Женщина отделила стеной одну комнату и с армянской проворностью сдавала ее, ни в чем себе не отказывала, живя при этом в центре Баку. Вообще, армяне изначально жили в самом центре Баку. В учреждении, занимающемся жилищными вопросами, либо начальник, либо заместитель обязательно должен был быть армянином. Они в отличие от нас в таких вопросах не приравнивали представителей своих наций к другим, размещали их в самых лучших квартирах. А чистокровные тюркские семьи обитали в отдаленных селениях, в бетонных домах с линолеумом, в тесных как могилы хрущевках, мучаясь от отсутствия газа, воды, от холода. А армяне, живя припеваючи в архитектурных памятниках в центре, в «сталинках», строили против нас планы, измышляли козни.

В квартире Салима телефон беспрерывно звонил. В конце концов он должен был узнать, как всё обстоит в деревне. Лучше ему что-нибудь придумать, пока вся деревня не объявилась здесь. Может, удастся их где-нибудь разместить, но вряд ли проклятые согласятся. Они и так искали, где бы осесть. Научная работа Салима им была нипочем.

– Вяфа, давай-ка я отвечу на звонок, беспокоюсь о деревне, то есть (черт!) об отце.

– Хорошо, вот я взгляну и на твою квартиру.

– Только не пугайся, это жилище холостяка.

– Я уважаю тех, кто живет просто.

Ну и ну, Вяфа вновь нашлась, что ответить, а в другой раз она двух слов на азербайджанском связать не могла.

Он впопыхах открыл дверь, даже Вяфу пригласить внутрь позабыл. А та, не дожидаясь приглашения, зашла следом за Салимом. Стол, старый шифоньер, узкая железная кровать (наверное, с тридцатых голов осталась), даже не разобранная. Маленький балкон застеклен и заменяет кухню. А там кроме старенького холодильника «Орск» и пары тарелок она больше

ничего не заметила. А еще много книг, валяющихся повсюду, к тому же не научных книг, а таких, которые читают в один присест и затем выбрасывают, короче то, что называют желтой литературой. И впрямь, это было довольно удивительно, но Вяфа не стала придавать этому значение, он и сама, когда не спалось, читала такие книги. А вообще она предпочитала смотреть телевизор и спать.

– Кто? Надир? Что случилось? Да, здравствуй еще раз. Мы же утром говорили, а ты опять здороваешься. Ладно, привет. Я один и никуда не ходил, только днем за хлебом. Настроение ни к черту, армяне обстреляли деревню, проклятые, не дают спокойного житья.

Тем самым Салим демонстрировал свой лживый патриотизм, хотел выставиться перед Вяфой, мол, смотри, какие сыны у нации есть, твой отец должен ценить таких как я и продвигать, ставить примером перед такими как Надир.

На том конце провода голос Надира почему-то хрипел. Он не знал, было ли это помехами на линии или он охрип, когда оправдывался перед женой после вчерашней пьянки и, исчерпав все варианты, начал орать как резаный.

– Послушай, Салим, мы ведь друзья, дорогой. (Клянусь, если б он только мог, заживо бы меня угробил.) Утром я не стал тебе говорить и портить настроение, но теперь думаю, что эта Вяфа может прибрать тебя к рукам, а затем от стыда я тебе в лицо посмотреть не смогу. Ты человек чести, твоя земля, твой край родной под армянскими пулями (на этом месте Надир прибавил звук «радио», стал выступать как оратор). Весь институт, весь город знает, что бабушка Вяфы чистая армянка, смотри, она тебя охмурит, породнишься с этими проклятыми.

Салима будто молнией ударило, он так побледнел, что стал неотличим от выкрашенной стены, сглотнул, а с другой стороны от волнения начало урчать в животе, точно его накачали воздухом как колесо машины. Хрипы на другом конце провода, доносящиеся из ада хрипы, заполняли его уши:

– Клянусь жизнью моего единственного ребенка Самира, я тебе не вру, могилой отца клянусь (да будет проклят твой отец!), я тебе лгать не стану. Кроме тебя все это знают, спроси у

кого хочешь, просто ее отец, дед со стороны матери – азербайджанцы. Их никто не трогает, потому что они уже пустили корни, при деньгах и так далее. Я тебе это говорю, исполняя свой дружеский и человеческий долг…

Нет, он уже не мог отвечать, тем самым он выдал бы себя. Он так сильно швырнул трубку на рычажки, что аппарат упал и стал издавать отрывистые звуки. «Как же тявкает эта дрянь, как щенок, которому хвост отрезали», - хотя он и был зол, но вернул аппарат в прежнее положение.

Хорошо, что Вяфа не видела эту драматическую сцену, так как листала книги. Как же она должна была уйти в себя, чтобы не понять, что что-то происходит и что это связано с ней.

– Кто это был?

– Надир. Два раза уже с утра звонил, всё спрашивал, был я ночью у тебя или нет. Сдохнуть готов от любопытства.

– И что ты ответил? Сказал бы, да, остался, да, мы женимся, и что с того?

Вяфа сказала это с такой легкостью, будто сейчас, после церемонии во дворце счастья, она передала свидетельство о браке матери на хранение.

– Поверь, в институте проходу от него нет, и он, и этот Гадир столько раз меня умоляли, чтобы я за них вышла замуж, чтобы только согласилась, и они тотчас с женами разведутся. Ну их к черту, я не люблю прилипал, даже близко их не подпускала. Говорила им: стыд вам и срам, у вас жены и дети, я не разрушу ничью семью, не оставлю детей сиротами. Иначе я давно бы уже вышла за того, кто был бы лучше них. Знаешь, почему я развелась, ушла от турка-миллионера? Он с ума по мне сходил, даже сейчас звонит и не отстает, но у него была маленькая дочка, она очень тосковала по отцу. Я пожалела, сказала, что нет счастья там, где есть слезы.

Салим захорохорился, но в то же время приревновал Вяфу к тому турку. Он знал, что Вяфа не лжет. Он знал и Надира, и этого пройдоху Гадира. Чувствовал, что оба положили глаз на

Вяфу. Но вот налицо честь этой Вяфы, выросшей на армянском молоке, а вот – мерзость такого как Надир. Он сейчас не был в состоянии принимать решения.

Телефон снова зазвонил.

– Не отвечай, – сказала Вяфа, – пойдем, посмотрим дом.

Да он и сам не хотел брать трубку. К черту, пусть звонит кто звонит. В глубине души он понимал, что это может быть звонок насчет деревни, но хотел продлить время до момента получения известий. Всё равно рок следовал за ним, примерно он знал, что случилось, ибо эти события тянулись с девяностых годов, но никто не хотел поставить перед ними непреодолимое препятствие.

***

Квартира Сирануш осталась такой же, какой была. У входа от резкого запаха кружилась голова, всё стояло на своих местах. Странно, быть армянином и оставить дом в таком виде. Значит, Надир верно говорит. Конечно, это правда, ведь невозможна такая ложь! Наверное, Сирануш и правда родственницей приходится Вяфе. Ему стало совсем худо. Черные когти подозрения вонзились в грудь Салима. Эх, свалиться бы ему замертво, когда он в гости идти собрался.

– Салим, Салим, иди сюда, посмотрим фотографии.

Да хотя бы альбом с фотографиями Сирануш забрала с собой. Что-то, как говорил отец, всё это пахло армянской диверсией. Ни Салим, ни Вяфа не беспокоились о содержании альбома. Ибо Сирануш никогда не фотографировалась, никоим образом она не могла иметь совместных фотографий с Вяфой, ее семьей, да и с Салимом тоже.

Оба в полнейшей уверенности, что всё в порядке, спокойно начали листать альбом. Он был пуст, но беспокойные мысли терзали Салима. «Вяфа росла на армянском молоке, предупреждаю тебя», – эти слова росли в его мозгу, вбирая в себя что-то, может, мозг Салима. Внезапно его плечи как бы остались без головы. Наверное, потому издревле так и говорят: голову потерял, головы нет на плечах. Ну и мудрость – ведь лишь человек, действительное испытавший такое, мог знать, каково это.

Значит, таких как Салим, попавших в армянские сети, не способных выбраться и впутывающих в эти сети других, было немало. Он мог бы найти немного утешения в этом, но с момента приезда в Баку, со времени снятия квартиры здесь, со дня, когда нужда, а может, бесчестие, жадность бросила его в когти Сирануш, вернее, в ее объятия, он потерял спокойствие и больше не находил его. Это было наказание, когда он таял в объятиях Сирануш, воняющих чесноком, сам начинал вонять, это кровная память шахидов, сынов Родины, проливавших кровь в то время когда он был вместе с Сирануш, в Агдере, Шуше, Кубадлы, Кельбеджаре, Ходжалы… она ставила сегодня его лицом к лицу с его грехами в обличии Вяфы, уничтожала его, несла к могиле. Лучше умереть парню, чью деревню, чью Родину разнесли армянские палачи, чем жениться на армянке.

Салим весь покраснел, пот, стекающий с головы, струился по его щекам. Вяфа объяснила это тем, что внутри было душно, жарко.

Она собралась вернуть альбом на место. Вяфа раззадорилась:

– Пришлем кого-нибудь, чтобы вынесли этот мусор. Потом нужно скорее начать ремонт.

Все равно альбом был пуст. Сирануш, оставившая такой дом, увезла с собой все фотографии своих родичей и предков. Вот это преданность нации, вот это память крови, память о роде своем. Многие из нас никого не знают из предков кроме деда да бабушки. Вяфа швырнула альбом в пустую коробку на полу.

Книжный шкаф справа стоял на том же месте и, как прежде, был полон книгами. Сирануш не была безграмотна. Хотя она и не оканчивала институт, каким-то образом абонентские книги из приморского магазина попадали в ее квартиру.

– Но книги надо оставить, хорошие тома.

Оба как по команде, плечом к плечу подошли к шкафу. Салим в этот момент дошел до безумия. Место возле этого шкафа, пол под столом напоминали ему об очень темных воспоминаниях. Если бы Вяфа не сопротивлялась, Салима ничто не могло бы остановить от того, чтобы повалить девушку на этот пыльный пол, задрать ей юбку.

Но Вяфа будто собачий нюх имела. Она вдруг так закричала, словно ее полоснули ножом или поставили клеймо на ее белый лоб. За стеклом шкафа, прямо на виду стояла фотография размером с книгу. Даже дурак сообразил бы, что это или фотография близких Сирануш людей, или что ее поставили сюда нарочно, на всеобщее обозрение. Второе представлялось более правдоподобным, ибо кого волновали близкие Сирануш после ее отъезда?

И кто же… кто же был на той фотографии? В расстегнутой рубашке, с взлохмаченными светлыми волосами, явно вдрызг пьяный, в объятиях Сирануш сидел Салим. Мало того, что он сидел на ее полных слоновьих коленях – он еще и одну руку просунул ей между ног… На заднем плане красовалась голова пьяного армянина.

Салима охватил озноб. А Вяфа даже говорить в полный голос не могла, лишь прохрипела:

– Аааа… это же тетя Сирануш (тетя Сирануш…). Что это ты делаешь на коленях моей тети? Мерзавец, щенок…

До него дошло лишь то, что Вяфа, оставив туфли, босиком выбежала на улицу и остановила такси. Это заметил и Гасымага, подумавший, что Салим приставал к девушке, а та, молодчина, не поддалась и убежала. Ну и поделом ему. Теперь он увидит, каково это – понукать Гасымагой, как рабом, бросая взамен гроши. Посмотрите-ка на него, явился из деревни, ерепенится здесь, в позу встает.

…Салим лишь раз был у Сирануш, когда она принимала гостей. Гости из Еревана – трое мужчин, одна русская женщина и одна армянка – так его напоили, что он голову потерял. И начал требовать у Сирануш кое-что. Прямо в квартире, у всех на виду, при свете дня он стал покрывать женщину поцелуями, потребовал, чтобы она как всегда обнажилась и улеглась на пол. Эти армяне подшутили над Салимом, видимо, они были не простыми людьми. В то время в Баку японский фотоаппарат имели всего пара-тройка человек. Армяне весь день ходили по городу, делали много снимков, ночью не спали и проявляли их. Как сказала Сирануш, ее двоюродный брат – редактор крупной ереванской газеты. И этот редактор не упустил случая, создал «портрет» потерявшего голову, дошедшего до безумия дурака-мусульманина.

Конечно, она нарочно поставила фотографию в шкаф. Знала, что ее заметят сразу, как войдут. Но хорошо, что в дом не заходил даже отец Вяфы – он искал возможности уговорить владельца однокомнатной продать квартиру, чтобы объединить ее с двухкомнатной, и только потом приступить к ремонту. Они имели несколько квартир в центре, загородный дом, а об этой хибаре позабыли. А Вяфа, единственный ребенок родителей, после замужества и развода с турком, жила одна. Но это не беспокоило родителей, Вяфа была уже не ребенок, и они позволяли ей жить так, как ей хочется…

Салим невольно, ни словом не обмолвившись, гневно, грубо вырвал фотографию из рук девушки. Она ушла, и фотография осталась у него в руках. Он должен был порвать ее, разорвать на мелкие кусочки и бросить в бездонную канализацию, чтобы она больше не всплывала, напоминая о его греховном прошлом. Но Салим застыл как вкопанный, не в силах это сделать. Всё смотрел и смотрел на себя. Сжимались не его руки, а он сам в мышеловке. Сжимался, как клетка, сжимался город, сжимался весь мир. И в сердце Салима, оставшегося под их ногами, в их лапах, вонзались сотни спиц.

Фотографию обязательно нужно было порвать. Но сил застывшим, окоченевшим пальцам не хватало. Потолок надвигался на него, он опускался медленно, и Салим видел, как миллиметр за миллиметром сокращается расстояние между ними.

Нет, это был не потолок, а тень Сирануш – размером с потолок, руки и ноги обращены вниз – словно распятые – и раздвинуты так, как он любил раньше. Ее глаза уставились прямо на фотографию… нет-нет, они метили в свою жертву. Она спускалась, чтобы раздавить Салима, сровнять с землей как червяка, проглотить, высосать кровь, проглотить его и выплюнуть кости копошащимся на помойках, снующим под ногами крысам.

Тень Сирануш… тень Сирануш.

Это она годами омрачала его сердце, судьбу, душу, молодость, вечно неотступная ненавистная *армянская тень*.

Это была тень Сирануш, и ему уже некуда было бежать за спасением.

КРОМЕ СМЕРТИ! КРОМЕ СМЕРТИ…

Он не почувствовал, как упал, как его голова ударилась о ножку стола. Отчего-то тень разделялась на две части, и посередине пролегал ясный, белейший как молоко путь, оттесняющий тень. Смерть была милостива, она разрушала тень, смывала позор. Сердце Салима разорвалось и он умер…

КОНЕЦ

Вяфа вернула такси на полпути, она остыла. Хотя она и не знала, что делать дальше, она хотела забрать туфельку, выпроводить из квартиры уже ставшего для нее совершенно чужим, упавшего в ее глазах Салима и запереть дверь…

Она тяжело поднялась по ступенькам. Ее ноги липли к пыльным, грязным половицам и были отчего-то налиты тяжестью. Сверху веяло запахом ужасной трагедии, леденящей кровь.

Салим умер. «Да он же умер». Позвонить и вызвать отца? Взгляд ее остановился на фотографии, которую умерший сжимал в правой руке. Сдержанно, будто ничего не произошло, с истинным равнодушием, безжалостностью, коварством, присущим Сирануш, она выдернула из его пальцев фотографию, даже не подумав, что ей может стать плохо. Разорвала на мелкие кусочки, бросила в запыленный унитаз и спустила воду.

Вяфа услышала шум воды, и ей полегчало. Она подняла трубку, и вдруг ее взгляд остановился на почерневшем лице Салима.

Ей показалось, что на губах умершего лежит довольная улыбка.

МОГИЛА ТУРКА

Рассказ

Она проснулась вскоре после того, как легла. Стояла безмолвная ночь. Луны и звезд было не видать. Мутный купол неба, словно опухшие веки, надвигался на землю. Шумная улица была чисто выметена. Бескрайний мрак втянул город в свой омут. От тишины звенело в ушах. Она вздрогнула. Ужас и паника поднимались откуда-то снизу к горлу. Она стала задыхаться. Что-то должно было случиться. Может, землетрясение? Нет, землетрясение она чувствовала заранее, и в тот же день или максимум на следующее утро следующего слышала, что где-то произошло землетрясение. За четыре месяца за цунами она написала в одном из стихотворений о приливах и отливах в глубоких морях и океанах… После прилива многие места опустеют, многих из нас не станет. Всё вывернется наизнанку… Она написала это просто так, но затем, перечитывая, ужаснулась и подумала: почему это другие живые существа заранее чувствуют природные катаклизмы, а люди нет? Если мы этого не чувствуем, мы умнее их или нет?

Философствовать в этот час ночи? Нет, при землетрясении она испытывала другие ощущения. Она встала и ополоснула лицо водой. Смертельный сон должен был развеяться. Вернулась и снова легла, и точно тяжеленная рука надавила на ее голову. Как она ни пыталась, встать не могла. Может, ее парализовало? Может, она умерла? Она почувствовала облегчение, но лишь на миг. Затем голова стала раздуваться, росла и росла, увеличивалась в объеме. Темя треснуло как стиснутый арбуз, мозг начал растекаться. Она больше не ощущала рук, ног, тела. Они не слушались ее. Стало ясно, что она подключилась к ЧЕМУ-ТО сильнее и выше ее…

Она вернулась в детство. Ей девять-десять лет. Девчушка с густыми черными кудрявыми волосами и глубокими, большими черными глазами, усевшись в тени граба, смотрела вдаль и, разминая между пальцами веточку можжевельника, подносила ее к носу. До нее доносился чудесный запах леса. В свежескошенной траве алела клубника. В деревне лишь коса Гянджалы киши забирала траву такими широкими полосами. Широкоплечий, коренастый отец, облокотившись на дубовый пень, пытался поймать по маленькому карманному транзистору далекую Турцию. Наконец, он поймал волну и прибавил звук. Передавали новости. От шипения и хрипов опешил дрозд, поющий на ветке. В изумлении повращал круглыми глазами и внезапно замолк. Перелетел и уселся на ясене, внимательно наблюдая за происходящим. Он мог бы улететь и дальше, но на грабе было его гнездо с птенцами. По крайней мере, это видела девчушка. Гянджалы киши даже не стал допивать айран и чуть ли не прижал радио к груди.

– Гага[1] (так она обращалась к отцу), я многих слов не понимаю.

– Это наш язык, доченька, мы говорим «джявиз»[2], а они «джевиз». «Тавшан» мы называем «довшаном»[3]. Они не перестают быть нашими братьями от того, что живут вдали от нас.

Отец был учителем истории. Озорных детей, целыми днями играющих во дворе, он называл «монголятами». Людей без крова, без жилья называл «палестинскими сиротами». В самые лютые советские годы сельский учитель слушал запрещенное турецкое радио. Если бы об этом пронюхали, его выгнали бы с работы, из партии и даже сослали бы в далекие края, где он затерялся бы, как и четверо его братьев…

В мозгу сверкали молнии, пронизывая острой болью. Сменяли друг друга фрагменты прошлого… Они огораживали сенокос тети Гиймет, вкопав в землю бревна, заполняли пустоты колючими кустами, чтобы не пролезли животные. Она услышала, как соседка тетя Мянсимя сказала, что здесь повсюду, где ни копнешь, могилы турков. Да упокоит Аллах их души. Это те, кто погиб в войне с армянами в конце 10-х годов 20-го века. Не подоспей они, нас всех перебили бы.

За оградой бабушки Султане под каркасовым деревом каждую весну открывались могилы, которые они вновь прикрывали землей. Это потом уже в деревне стали украшать могилы. Вечером она вновь спросила у отца: «Кто мы?»

– Дочка, кто твой отец?

– Ты.

– Кто твоя мать?

– Сакина.

– Мы – тюрки, значит, ты тоже. Запомни это хорошенько…

До сих пор турецкое радио звучало у нее в ушах…

Чтобы съездить в Баку, им нужно было сесть на поезд Баку-Норешен на железнодорожной станции, названной русскими Акара. Слово «Норешен» ей не нравилось. Оно напоминало слово «гёрешен»[4]. Стояла полночь. Десятый вагон, на который они купили билет, уже приближался. Большие чемоданы с гостинцами, собранными отцом, были тяжелы. Когда подошел поезд, отец, взяв чемоданы, побежал возле вагона. И она, волоча большой узел, старалась не отставать. Она

[1] тятя (азерб.)
[2] орех (азерб.)
[3] заяц (азерб.)
[4] гиена (азерб.)

задыхалась и отец обливался потом, еле переводя дыхание. В вагоне начиналась проверка. До утра вооруженные автоматами русские солдаты ходили по коридору взад-вперед и заставляли сходить на следующей станции тех, кто им не приглянулся, якобы по причине того, что паспорта у них не в порядке. Без разрешения открывали они двери купе и требовали отойти от окон. Но ведь на глаза повязку не наденешь. Когда по ночам на одном берегу Араза сияли лампочки Ильича, на другом тускло поблескивали керосиновые лампы. А при свете дня кто-то с той стороны махал им рукой, опершись на посох, и печально смотрел поезду вслед.

В вагоне она попыталась сесть у окна. Родные земли, как обрубленные руки, тянулись вдоль границ. А вооруженные автоматами русские пограничники, казалось, вот-вот обстреляют поезд…

Боль в сердца стала разливаться по груди. Сойдя с поезда, она села в автобус, а теперь у обочины деревни Ишыглы ожидала машину. Ей нужно было съездить в деревню Башарат, которая, как орел, распростерла крылья в горах. А машины всё не было. Она стала взбираться вверх по холму. Кажется, лето близится к концу. Плоды на кустах почернели. Гусеницы танков избороздили землю. На противоположном холме виднелись кибитки армян. Хоть они и видели ее, но продолжали заниматься своим делом, пахтали масло. Бросались в глаза мужчины, пасущие баранов. Все они были врагами. Она знала, что отчий край в руках у армян, что те могут взять в плен, могут убить. Надо было действовать быстро. Она должна была взять с собой горсть земли. Если бы ей удалось вернуться целой и невредимой с этой горстью земли, она горя бы не знала.

Но у нее ничего не получалось – черная земля струилась сквозь онемевшие пальцы. Стоял день без времени, без звезд, без солнца. Топот ее ног смешался с биением сердца. Вдоль дороги выстроились бесконечные отряды солдат. Это были турецкие солдаты. А армян уже было не видать. Что-то задрожало в воздухе. Чувствовалось дуновение ветра…

Остановку на трехчасовой дороге из Баку в Шемаху они делали лишь в пире Пирсаат, совершив паломничество и испытав облегчение, продолжали путь. Будто все грехи оставляли позади. А до пира им предстояло перейти Шемахинский перевал. У склона перевала была старая могила, разрушенная в советскую эпоху. После 1990 года ее привели в порядок, поставили новое надгробье, обнесли изгородью, разложили венки. Повесили турецкий флаг с изображением звезды и луны. Все уже знали, что здесь покоится спаситель – турецкий солдат. Странно, что бы ни строили вокруг, всё рушилось. Невидимая сила сохраняла территорию вокруг могилы пустой, не позволяла возникнуть там чему-нибудь неподобающему.

Машина остановилась напротив могилы, как подбитый зверь. Как ни старался водитель, двигаться дальше она не стала. Он сошел, поднял капот и сказал, что двигатель перегрелся и нужно подождать, пока не остынет. Ее муж сошел первым, он нервничал, хотел курить, но знал,

что жена и дочери, не выносящие запаха сигарет, станут ворчать. Не обращая внимания на жену, косо поглядывающую на жадно втягивающего дым в свои легкие мужа, он подставил лицо прохладному ветру с гор. Женщина открыла другую дверцу: «Сходите, девочки, пройдитесь немного, ноги разомните». А сама в спешке поднялась к могиле. Минута показалась ей вечностью…

Она пришла в деревню, скинув сумочку во дворе, побежала на кладбище в роще проведать отцовскую могилу. Ей хотелось положить голову на широкие колени отца и посетовать на городские проблемы, на то, что ее никто не понимает. Хотелось, чтобы молодые зеленые ветки в дубовой роще прошлись по ее волосам, как отцовские руки. Но здесь, наверное, покоился молодой человек. Который оставил на родине тоскливо ожидающих его мать и любимую. Она забыла суру Фатиха[1], прочитанную в пире. Всё вокруг ожило. Дыбились камни. Галька трещала как затвор ружья. Травы, кусты распрямляли ее плечи. Взгляд остановился на вершине горы. Вершина, будто уставший солдат, сидела, согнув спину. Строчка длинной шинели, посеревшей от жары, мороза, времени, расходилась к подолу. Вершины на горизонте стояли в ряд, как готовые к сражению солдаты. В этом сером воздухе турецкий флаг на небосклоне алел и полностью закрывал горизонт. Кажется, ее старшая дочь Нихаля тоже была изумлена этой картиной.

– Если бы я знала, что мы остановимся здесь, принесла бы цветы.

– Ну что там с машиной?

Она вздрогнула от сиплого голоса мужа, стала поспешно спускаться с вершины. Она почувствовала его боль. Облака на вершине горы вышли на битву. Черные овны сшибались рогами. Серые тени, будто кишки из распоротого брюха волка, вываливались, падали вниз. Воздух нагревался. Первые лучи солнца, выскользнувшего из-за облаков, упали на надгробье. Могила засияла в солнечном свете.

---

[1] 1-я сура Корана, «Открывающая Коран»

ПОЖАР

Рассказ

Косые струи проливного дождя барабанили по давно не мытым, треснутым оконным стеклам. Стекла не очищались, а серели, от них шел пар, как от шкуры только что зарезанного барашка. Его держали в деревне Зарыслы близ попранной врагом, туманной и мглистой, разрушенной Шуши, которую карабахцы называли Гала. Он выполнял черную работу в небольшой армянской военной части. Чтобы он не сбежал, ноги его заковали в железные цепи. До того они жалели в деревне даже тварь бессловесную, приковывали так, чтобы бедное животное не мучалось. За пятнадцать лет, проведенные им в плену, цепи натерли его ноги до костей, мучительная боль лишила его сил. Он впал в апатию. До сих пор о нем не вспоминали, наверное, считали погибшим, ибо никто не вышел живым из того боя.

Капли, стекая по стеклу и достигая края окна, растворялись и исчезали. Вот так и всё в мире: дойдя до последней грани, либо увеличивается, либо исчезает. Конец… Мутные потоки, бурлящие во дворе, на безлюдных улицах были пинками армян, плетями, оставившими на его спине синие полосы; они подминали под себя каждого встречного, словно гусеницы танка. Капли, не удерживаемые пресыщенной землей, стекали, смешавшись с потоком, заглушали все голоса.

Леса, горы, равнины укутывались дымчатым пологом неба. С шелковых волос деревьев струилась вода. Смыкались ресницы цветов и закрывались их глаза. Зеленая поляна шла волнами, опавшие лепестки цветов напоминали влажные девичьи губы. Хотя он и не видел всего этого, весенний дождь стекал с его груди и глаз. Вот уже три дня его держали голодным – по рассеянности он дважды посолил пищу, приготовленную для офицеров. Его сильно избили и

приволокли сюда. Бросили и, кажется, позабыли о нем вовсе. Сдвоив пальцы, он скользил их притупленными, загрубевшими кончиками в том направлении, куда стекали капли, и проводил по растрескавшимся как сухая земля губам, будто тем самым мог утолить свою жажду. Дом деда был выстроен крепко, его сколько раз обстреливали, но он выстоял. А теперь, наверное, он хотел быть разрушенным, потому что стал тюрьмой для внука. А может быть, он оставался стоять для того, чтобы преподать урок забывчивым внукам, не отстоявшим своей земли. Иначе рухнул бы этот дом, завалил бы камнями первого же армянина, переступившего через порог, да так, что мать родная его не узнала бы. Он вздохнул с облегчением. Крыша не протекала. Окно было маленьким, и он не мог видеть двор целиком. Бабушка ворчала: «Как в тюрьме – дом огромный, а окошко с ладонь…». Голос деда, одним ударом вороненого топора разрубающего поленья, рокотал, заглушая елейный голос женщины: «Зимой согреть дом невозможно, не ты же вместо меня таскаешь дрова днем и ночью».

Рыжий теленок в его воспоминаниях ревел во все горло. А корова терпеливо ожидала хозяина, который должен был прийти ее подоить. На его лице появилась улыбка… когда он отпустит теленка, мать обнюхает его и будет терпеть натиски и чавканье своего чада. А когда иссякнет молоко, она будет его отталкивать, пока тот не отпустит ее опустевшее и отвисшее, как пустая перчатка, вымя. Нет, ему не мерещилось: жизнь, которой он жил, не была кошмаром. От усталости он перевернулся на спину и стал считать бревна на потолке. Эх, покончить бы с собой, избавиться от мучений. Ограбившие деревню армяне унесли висевший на стене карабахский ковер, сдернув его вместе с гвоздями. На самом деле он не хотел умирать. Жизнь на свободе не столь сладка, жизнь дал Он, пусть Он и заберет. Это самооправдание, такая смерть требует чести, мужества.

Он не хотел умирать, ведь он находился на родной земле, которая поддерживала в нем жизнь. Почему он должен умирать? Пусть они сами сдохнут. Дышать еще один лишний день воздухом Родины было бесценным даром. Однако эта Родина больше им не принадлежала. Своими руками сдали. Треснула нижняя губа, пошла кровь.

– Интересно, что завтра с погодой?

Ну и наглость, они говорили на чистейшем карабахском наречии. Такова была суть этих мерзавцев, они приспосабливались ко всему, как хамелеоны. Брали себе азербайджанские имена, говорили на их языке. А теперь вот кичились перед ним.

– Слушал по ереванскому, ничего не передавали. Боюсь, дождь завтра пойдет, дело не сможем провернуть.

– Да ладно тебе, бакинское радио сообщало, завтра будет солнечно.

Он закрыл глаза как фазан, спрятавшийся в кустах, будто если он никого не видел, то и сам был невидим для других. Шум ливня усилился. Этот звук раскачивал его, заключив в свои объятия. Эх, если бы эти бурлящие, грохочущие потоки снесли этот дом в Хекери, Араз, соединили бы с Хазаром… Эх, если бы безумные волны хоть труп его вынесли на берега Абшерона, хоть рыбам серебристым стать кормом…

Бабушка его пела колыбельную, причитала. Даже когда умер отец, он не плакал так горько. Глаза увлажнились. Он занес онемевшую руку назад и она намокла; он перевернулся на живот, не в силах встать на ноги. Дождь, просочившийся из трещин в черной подпорке, расшатанной снарядом, образовал в углу на полу лужицу. Он подполз и потянулся к ней ртом. Всосал воду, как животное. Старые половицы осели. Он будто пил из дедовских ладоней. Дождевая вода опьянила его как вино. С каменистых троп, через бескрайние пропасти и золотисто-красные ущелья всё текли и текли мутные потоки.

Всё шел и шел дождь.

Он не мог разомкнуть веки, будто спал беспробудным сном. Когда по утрам он прикидывался спящим, чтобы не отгонять скот на пастбище, бабушка говорила: «Вставай, поешь хлеба да сливок, кто рано встает, тому Бог подает». И вправду, если в доме не было гостей, утренние сливки доставались тому, кто просыпался раньше всех. Не могло во всем мире быть сливок вкуснее, чем в Зарыслы. Желтые сливки пахли лугом.

Он кое-как поднялся, ополоснул лицо водой. Пол был сырой, впитавший в себя воду. Моросил дождь. Оконные стекла затуманились. Что-то должно было случиться завтра. Очередь

была за ним, он чувствовал. Пленных не осталось больше, всех убили или увели куда-то еще. Аппетитный запах жаркого не тронул его. Здесь он нес свое наказание, после смерти отца, едва окончив среднюю школу, он уехал в город, обзавелся там семьей и не вернулся. В последние годы он бывал в деревне редко. Но с первого дня войны служил в армии. В последний раз его маленький сын не узнал отца.

Болели глаза. Единственный солнечный лучик, пробивающийся из окна, как ружейное дуло, был нацелен на его глаз. От удара в живот он согнулся. Это был водитель Аршак, теперь уже поп. Здесь часто появлялись попы, они воодушевляли и благословляли солдат. А он, сколько сражался, ни разу не видел ни одного религиозного деятеля. Никто их не благословлял, и сами они не молились. В камень превратились. Сначала перестали надеяться на Бога, а затем на Родину…

Взяв его за руки, его вывели во двор. Освободили ноги от цепей. Усадили на скамью, сколоченную руками деда, на древнем медном бабушкином подносе принесли хлеб и тарелку мясного супа и поставили перед ним на стол – приданое сестры. Нацедили в граненый стакан тутовой водки – из плодов дерева, растущего у них во дворе. Всё было их, из их дома, лишь водка и соленые огурцы были приготовлены на армянский лад. «Выпей, – сказали ему, – у командира сын родился. Дай Бог, следующий его день рождения будем отмечать в Баку. В его честь освобождаем тебя, порасскажешь о нашей милости, нашем величии. Мы еще и кино о тебе снимем. Весь мир тебя узнает, сукин ты сын».

Эх, так бы и придушил этого армянина… Но теперь у него не осталось сил. Он не мог даже голову с груди поднять. Не стал есть. Он видел из окна, как армянка, вышедшая из туалета, вытерев руки о грязный подол платья, стала рубить мясо. Тем армянкам, которые заходили к ним в гости, работали во дворе, помогали, бабушка готовила еду в отдельной посуде, усаживала их отдельно. А после их ухода часами скребла песком посуду возле арыка и затем складывала в подвале. Эта посуда никогда не использовалась в других целях. О Алы киши, да рухнет твой дом, посмотри, кто теперь здесь хозяйничает. О Шеребаны, да рухнет могила твоя, посмотри, кто хозяйничает в этом доме…

Да где сейчас эти могилы… Армянские танки сровняли кладбище с землей. Его мутило, он ни к чему не прикоснулся, да и армяне настаивать не стали. Они довольно долго ехали на машине председателя колхоза. Он потерял счет времени. Стекла были закрашены, так что ничего не было видать. Он сошел с машины и с его глаз сняли повязку. Местность напоминала Агдам. Весна. Пора, когда всё цветет и поет. У него не осталось сил даже на то, чтобы наглядеться истосковавшимися глазами на эту красоту. И красота – для счастливых. Четверо погнали его вперед. Голубоглазый мужчина не был похож на армянина. У одного из армян на плече была видеокамера. Аршак шел следом за военным-армянином, не сводя мутных глаз с его лица, будто не шел, а кружился.

Он не остановился, он чувствовал себя виноватым, не вправе чего-либо ждать от этого края. Трава, цветы, дом, порог, пища – всё было посрамлено. Он не сможет больше их защищать. Он был давно уже мертв для себя самого, для своих друзей и родных. Они о чем-то говорили по-армянски, на языке, которого он не понимал, о чем-то ожесточенно спорили и не могли прийти к соглашению. Во всяком случае, так казалось ему. Какая разница? Смерть есть смерть, он не верил, что его отпустят. Да и свобода такая – оскорбление… Как и тогда, когда отпускают на свободу обессилевших старых коней и быков. Когда они уже доходили до холма, ему вновь завязали глаза. По волосатым, хищным рукам он узнал, что это Аршак волочит его за собой. Он попадал в ямки, задевал ногами камни и кочки, спотыкался, падал. Наконец, они остановились. Пахло паленым, дым забивал легкие, в горле першило, глаза горели. С его глаз стянули черную чалму Вартануш. Иди, сказали, ты свободен. Сунули ему в руки горящий факел. «Бросишь – придушу», – сказал Аршак. Не изменился совсем этот Аршак, таким же остался, сначала к нам подлизывался, а теперь, как пес, – к своим, к тем, с кем было выгоднее.

Снимать совсем чалму не стали, а просто опустили ее на шею. Черная чалма Вартануш стискивала горло, как ошейник. Он часто заморгал, пытаясь разглядеть, что творится вокруг. Всё было в дыму. Разрушенная деревня впереди, леса, кустарники – всё горело. Словно в Судный День. Он понял: спалили пышную, цветущую деревню Хангервенд. Подлецы, враги… Сил не осталось даже на то, чтобы обругать их по-мужски.

– Ступай, факелом поразмахивай, пройдись огнем по уцелевшим местам. Честью клянусь, будешь слушаться – останешься в живых, нет – подохнешь на месте.

Да какая там честь у Аршака, чтобы клятве его верить… Он птицей стремглав помчался вниз. Пробежал между спасшимися от огня и притулившимися на дне ущелья зверями. То ли опешив, то ли посчитав его своим, звери не тронули его. Ступить было некуда. Даже если бы его покусали, ужалили, он бы все равно не почувствовал. Никогда в жизни он не чувствовал себя настолько счастливым, настолько свободным. Спасшиеся от огня звери взбирались на холм. Голубоглазый кричал на взобравшегося на машину армянина, чтобы тот не медлил и снимал.

Но как тот ни старался, не мог заснять пленника – мешали дым и пламя. Режиссер вырвал у него из рук камеру. Стоя на машине, можно было увидеть голову пленника, на его плечах сидели птицы с подпаленными крылья. Из-за птенцов они поздно покинули гнезда. И может, приняли его обессилевшие плечи за дубовые ветки. Он вдруг почувствовал, как стягивается кожа на черепе. Он впервые чувствовал боль. Черная ворона, пытаясь не угодить в огонь, старалась ухватиться когтями за его голову.

Он снова пошел вперед. Превратившиеся в головешки ноги с честью вели его. Он едва не столкнулся с обезумевшим шакалом. До границы пожара оставался лишь шаг. Наши солдаты должны быть на вершине. Собрав последние силы, он рванулся. И лишь тогда на ум ему пришло бросить обжигающий пальцы факел. Кожа рук давно уже обгорела, огонь захватил и мышцы.

– Ты смотри, он же прошел сквозь огонь…

– Не отпускайте…

Он не слышал этих слов. Встречный весенний ветер не приносил ему прохладу, а лишь усиливал боль, раздувая огонь. Казалось, сама земля ожила и пытается бежать. Вдруг его левое плечо словно раскаленной стрелой пронзили. Чудовищная боль обожгла спину. Виски и уши

похолодели. Веки налились тяжестью. Он ждал этой пули, как конца. Он повалился как подкошенный. Голова упала на зеленое поле. Вместе с птицами на голове и на плечах.

Огонь разгорелся с новой силой. Ноги вспыхнули. Пламя догоняло и птиц, забравшихся в ближайшие заросли колючего кустарника.